

На фоне нарастающих и стихающих голосов, умоляющих солдат открыть ворота, монгольские воины приблизились к городским стенам примерно на ли и остановились.

— Лучники, приготовиться! — прокричал кто-то на вершине стены.

Всех пленников внизу охватила паника, и они бросились к стене, прижавшись к ней и глядя вверх с испуганными лицами. К счастью, стрелы были направлены только на монголов, а не на них.

— Откройте ворота! Откройте ворота! Я господин Шэнь! Открывайте уже ворота! — подбежал и застучал мужчина средних лет. Наконец, городские ворота заскрипели в темноте, шестеренки заскрежетали друг о друга, и боковая дверь приоткрылась. Пленники толкались и пихались, пытаясь попасть в город, и многие оказались зажатыми во рву.

Монголы не ожидали, что пленники сбегут в город именно в эту ночь, и, застигнутые врасплох, не успели вовремя сформировать отряд, чтобы ворваться в городские ворота, поэтому им осталось только отступить.

У Ду локтями прикрывал Дуань Лина от пленников по обе стороны от них, пока они протискивались в город.

Не успели они оглянуться, как почти все успели войти внутрь, а Дуань Лин потащил за собой лихорадящего человека без сознания. Как только они прошли через городские ворота, позади него раздался шум: двое солдат набросились на него, чтобы задержать.

В темноте царило столпотворение. Дуань Лина снова связали веревкой, пихнули рукой, и солдат приказал ему встать на колени. У Ду ахнул, отталкивая от себя людей, и Дуань Лин сразу же окликнул его на тангутском языке:

— Папа! Я здесь!

У Ду подошел и защитил Дуань Лина, прикрывая его. Они слышали, как кто-то произнес на ханьском:

— Все ханьцы, сюда!

В хаосе солдаты начали их пересчитывать.

— Сюда, кидани!

— Мы тангуты! — крикнул Дуань Лин. Его голос смешивался с неразборчивыми звуками У Ду.

— Сюда!

В мгновение ока кидани, тангуты, цветноглазые, а также те, кто пришел из мелких племен за Великой стеной, и ханьцы распределились по кастам, а затем выстроились в соответствующие шеренги и затихли. Когда все сто человек были рассортированы, по аллее раздался стук подков — это галопом проскакала группа солдат.

— Что здесь происходит? — спросил командир.

— Генерал, — офицер, отвечающий за оборону города, вышел из толпы. — Сто двенадцать пленников проникли в город. Мы должны сначала допросить их на случай, если среди них есть шпионы.

Свет факелов освещал испуганные лица пленников, и выражение лица генерала несколько омрачилось. Наверное, это был глава лоянского управления патрулирования, подумал Дуань Лин. Впускать людей в город в разгар конфликта между двумя армиями было делом крайне рискованным, ведь среди них могли быть шпионы. Достаточно было сказать всего одну фразу, и все здесь потеряли бы голову.

У Ду был напряжен до предела. Если генерал скажет «убейте их всех», ему придется сначала убить их, а потом бежать вместе с Дуань Лином, скрываясь в городе.

Каждому из них казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди, и, наконец, генерал произнес:

— Уведите их и тщательно допросите на наличие шпионов.

Тогда и только тогда пленники дружно выдохнули. Может, кидани и правили севером уже долгое время, но они уже были не так безжалостны, как во времена битвы при Шанцзы. Со времен императора-основателя Ляо они стали подражать политическому правлению Хань; ханьский язык и философия также широко распространились среди киданьской верхушки. Многие кидани использовали ханьские иероглифы «гуманность», «справедливость», «обряды», «мудрость» и «вера» в именах своих детей. Из этого достаточно было сделать вывод, что они отличались от жестоких, кровожадных и все еще диких монголов.

Генерал развернулся, собираясь уходить, но Дуань Лин остановил его, сказав по-киданьски:

— Генерал, здесь раненый солдат. Думаю, он может быть кем-то важным.

Командующий подошел к Дуань Лину, и, поняв, что он хочет сделать, У Ду принес к нему охваченного лихорадкой человека. Мужчина был одет в дорожную одежду и казался не простолюдином, а воином. Как только Дуань Лин увидел его раньше, он решил, что он не так прост. Как и следовало ожидать, взглянув на него, генерал в шоке произнес:

— Шулюй Жуй? Скорее окажите ему медицинскую помощь!

— А еще тут есть этот... А? Куда он делся? — Дуань Лин огляделся по сторонам, пытаясь найти человека по имени Шэнь Чун, но, похоже, он прятался в самом конце.

— Шэнь Чун? — спросил генерал.

— Генерал Вэнь... Пожалуйста, не убивайте! — Шэнь Чун был так напуган, что его душа наполовину вылетела из тела. — Генерал! Пощадите меня!

— Его тоже уведите, — сказал генерал.

Дуань Лин не ожидал, что Шэнь Чун будет так напуган, но, подумав, вспомнил: ах да, этот человек — чиновник Ляо, но он сбежал еще до начала битвы. Теперь же, по возвращении в город он, разумеется, будет беспокоиться, что его поймут солдаты и обвинят в уклонении от исполнения обязанностей. Но разве этот чиновник выглядел намного высокопоставленнее Шэнь Чуна? Хотя бюрократия Ляо и почитала военных, Шэнь Чун не должен был так бояться.

Солдаты увели Шэнь Чуна и того человека, а генерал, не проронив ни слова, сел на лошадь и уехал. Защитники города разделили пленников по группам и увели их на допрос в отдельные комнаты. Из сотни пленников лишь Дуань Лин и У Ду оказались «тангутами», поэтому их поместили для допроса вместе с киданями.

Когда они дошли до У Ду, Дуань Лин ответил на беглом киданьском языке и сообщил солдатам, что они отец и сын, изначально приехавшие сюда торговать. Его отец глухонемой, и по дороге его поймала монгольская орда. Пока они находились в заточении, один воин-мститель посреди ночи всех их спас и отпустил.

Дуань Лин был довольно высокого мнения о городской страже. В конце концов, люди, которые без колебаний открыли ворота, чтобы спасти невинных простолюдинов, были хорошими людьми.

— У кого ты научился говорить на киданьском? — ответил охранник. — И почему у тебя шанцзинский акцент?

— Я ходил в школу в Шанцзине, когда был маленьким.

— Должно быть, вам пришлось нелегко, — стражник сделал решительный знак кистью и произнес. — Ступайте и найдите способ заработать на жизнь. Сейчас в городе слишком много людей, и у нас нет времени беспокоиться о вас двоих.

— Все в порядке, — произнес Дуань Лин.

— Возьми этот лист бумаги, — добавил стражник. — Вы можете получить десятидневный паек в Управлении по делам граждан. Больше мы мало чем можем вам помочь. Вы не должны никого обманывать и мошенничать, занимаясь кражей и грабежом. Преступления, совершенные внутри города, караются на один уровень строже.

У Дуань Лина был хорошо подвешен язык, он с улыбкой поднялся и поклонился городской страже.

— Да хранят вас боги неба и земли, мой господин.

У Дуань Лина было красивое лицо, а когда он улыбался, то казался еще более привлекательным. Всю свою жизнь он пользовался своей внешностью, и везде, где людям было бы выгодно не усложнять ему жизнь, они старались этого не делать. Допрос тоже оказался довольно простым. Они получили документы о временной регистрации домохозяйства, и теперь, когда на бумагах поставили печать, они стали временными жителями Лояна.

Когда они покинули городскую стену, солнце только взошло. Монголы уже более десяти дней как окружали город, а здесь все оставалось по-прежнему: магазины по обеим сторонам улиц до сих пор были открыты для посетителей.

В поясном кошельке У Ду все еще было спрятано несколько серебряных монет, и он отдал их Дуань Лину. Тот обменял деньги на медяки и купил им немного говядины. Он сел с У Ду у реки, и им оставалось лишь беспокоиться о том, где после еды найти ночлег.

— Что нам теперь делать? — тихо спросил Дуань Лин.

Никто поблизости не обращал на них внимания, поэтому У Ду произнес:

— Давай подождем, пока Чан Люцзюнь выйдет на связь. Спешить некуда. Не могу поверить, что Лоян так просто впустил нас в город.

— Это простые люди, — сказал Дуань Лин, — когда Шанцзин пал и сто тысяч беженцев отправились на юг, на центральную равнину, Лоян тоже принимал всех.

Он до сих пор помнил ту зиму, которая из-за лютого холода произвела на него столь глубокое впечатление; если бы не заброшенный храм в городе, от него бы уже остались одни кости на пустыре. Этот город уже спасал ему жизнь, и, если у него будет шанс, он обязательно отплатит ему добром. Остается надеяться, что он выдержит осаду монголов.

Для этого было достаточно, чтобы наступила зима. Как только выпадет снег и стены города обледенеют, монголы действительно не смогут больше прорваться, и им не останется ничего другого, как вернуться на север.

***

Сверху светило яркое солнце.

Пейзаж в горах был уныл; уже похолодало, и опавшие листья танцевали на свистящем осеннем ветру. Чан Пин верхом на лошади переходил реку вброд, сверяясь с картой и изучая дорогу.

Сначала он встретился с армией Е на лесозаготовках, а затем попросил их отвезти его обратно в Е. До наступления зимы он отправится на юг, в Цзянчжоу.

Где-то позади раздался шорох, и Бэнь Сяо тут же обернулся. Почувствовав опасность, скрывающуюся в зарослях, он попытался выпутаться из веревки.

Сидящий верхом на лошади Чан Пин тоже почувствовал это.

— Пошел! — опасаясь, что это тигр или шакалы поздней осенью охотятся в лесу в поисках пищи, Чан Пин стремительно развернул коня, чтобы сойти на горную тропу.

Вдруг раздался крик, от которого у Чан Пина замерло сердце.

Это человеческий крик!

Тело человека в черном упало с высокой скалы неподалеку, издавая глухой стук.

Вслед за ним рухнул еще один труп, разбившись головой о землю, и мозги и кровь разлетелись во все стороны.

Третий труп покатился вниз по горной тропе и упал между скалами.

Чан Пин ничего не говорил и не кричал, чтобы узнать, кто там, а просто спокойно остановил свою лошадь на горной тропе, ожидая, когда появится тот человек.

Из леса за его спиной доносились отрывистые звуки, словно кто-то пытался скрыться, а затем прямо перед ним и позади него раздался еще один звук. Вместе с ним донесся приглушенный крик.

Вскоре из-за кустов вывалился четвертый труп.

— Чжэн Янь? — произнес Чан Пин.

Наконец из леса показался человек. К его удивлению, это был Лан Цзюнься в офицерской робе сине-черного цвета.

— А, так это, оказывается, господин Улохоу Му, — с улыбкой сказал Чан Пин.

— Господин Чан Пин. Сколько лет, сколько зим.

Держа поводья одной рукой, Чан Пин слегка повернулся лицом к Лан Цзюнься.

— Что вы здесь делаете, господин?

— За чем бы вы сюда ни приехали, я, разумеется, приехал за тем же. Где Ван Шань и У Ду?

Выражение лица Чан Пина слегка помрачнело, и в голове промелькнуло множество идей: во-первых, он решил, что, похоже, за ним следили члены Теневой стражи, и они были уничтожены этим наемным убийцей. Теневая стража принадлежит наследному принцу, и этот плут тоже. Раз уж он поднял оружие против тех, кто состоит в Теневой страже, то, возможно, у него имелось свое личное отношение к делу — быть может, он друг, а не враг.

Чан Пин на мгновение задумался, прежде чем ответить:

— Эти двое отправились в Чжунцзин, и они попросили меня передать послание Его Величеству.

— Что за послание? — ответил Лан Цзюнься тем же бесчувственным тоном.

— Ситуация на севере в любой момент может измениться, поэтому я должен как можно скорее вернуться в Цзянчжоу. Спасибо, что спасли мне жизнь, господин.

Не дожидаясь ответа, Чан Пин спустился на землю и поклонился Лан Цзюнься.

Лан Цзюнься держал в руке меч. Он только что убил четырех членов Теневой стражи, но на его одежде, казалось, не осталось ни капли крови. Он некоторое время безмолвно размышлял, а затем молча убрал клинок в ножны.

Поклонившись, Чан Пин просто стоял на месте, ожидая, пока Лан Цзюнься заговорит.

Прошло немало времени, прежде чем Лан Цзюнься обратился к Чан Пину:

— Полагаю, что канцлер Му, вероятно, послал вас в Жунань, чтобы найти кое-что.

Как только он это сказал, Чан Пин озадаченно посмотрел на него, а затем произнес:

— Жунань? С чего вы взяли, господин? О, неважно, ничего плохого в этом нет. Я отправился в Чжунцзин, чтобы найти своего шишу, Фэй Хундэ.

Лан Цзюнься кивнул, утвердительный хмыкнув, и сказал:

— Чан Пин, нет больше нужды ворошить тот старый инцидент в Жунани. По правде говоря, настоящий наследный принц всегда был рядом с вами. Это Ван Шань.

Выражение лица Чан Пина мгновенно сменилось от спокойного до ошеломленного, но не успел он оправиться от шока, как Лан Цзюнься большим пальцем вытолкнул клинок из ножен и мгновенно нанес удар. Лезвие меча скользнуло по его шее, и в воздухе хлынула кровь, окрашивая все вокруг.

Чан Пин трясся и содрогался, зажимая рукой рану на шее; после продолжительных конвульсий он рухнул на землю.

— Я открыл вам этот секрет перед смертью, — без всяких эмоций произнес Лан Цзюнься, — чтобы вы могли упокоиться с миром. Счастливого пути, господин Чан Пин.

Закончив говорить, Лан Цзюнься пинком сбросил тело Чан Пина с обрыва. С широко открытыми глазами он покатился вниз по ущелью, сорвался с огромной высоты и с глухим стуком ударился о голые камни.

Эхо разнеслось по округе, и Лан Цзюнься одного за другим принялся сбрасывать в пропасть убийц Теневой стражи. Покончив с этим, он освободил веревку, связывающую двух лошадей.

Бэнь Сяо смотрел на него с опаской, но выражение лица Лан Цзюнься немного смягчилось. Он поднял руку перед Бэнь Сяо. Тот просто стоял, не двигаясь, и через мгновение Лан Цзюнься свистнул, сделал шаг вперед и сел верхом.

Бэнь Сяо на мгновение замешкался, но в итоге не сбросил Лан Цзюнься.

— Пошел! — Лан Цзюнься направил Бэнь Сяо вперед, разворачивая его в сторону Лояна.

***

Над головой раскинулось осеннее небо, и воздух этим ярким солнечным днем веял свежестью. Дуань Лин спал в объятиях У Ду на берегу реки. Снаружи город осаждала армия, но за его стенами царила безмятежная и мирная атмосфера.

У Ду тоже устал и заснул, прислонившись спиной к иве, с Дуань Лином в обнимку. И хотя они всего лишь дремали на берегу реки, это был самый крепкий сон с тех пор, как они покинули Цзянчжоу. Неважно, где скрывалась Теневая стража, но вряд ли она сможет пробраться за стены Лояна и напасть на них.

Они спали до самых сумерек, пока Дуань Лин не потянулся, проснувшись. К этому времени У Ду, как ребенок, зарылся головой в плечо Дуань Лина и не разлеплял глаза, пока Дуань Лин не стал шевелиться и беспокойно моргать.

Они оба проснулись лишь наполовину; Дуань Лин хотел поцеловать его, но, вспомнив, что У Ду — его «папа», и опасаясь, что кто-то увидит их, ласково потерся головой о его шею.

— Давай найдем место, где можно остановиться, — прошептал У Ду.

— Не забывай, что ты притворяешься немым, — напомнил ему Дуань Лин.

У Ду чуть не забыл. Они отправились в город, чтобы снять комнату на постоялом дворе, и, поскольку у них еще осталось немного серебра, заплатили залог и забронировали номер. Все равно в Лояне они надолго не задержатся, так что ничего страшного, если деньги закончатся.

Кто-то трижды постучал в окно — это был сигнал, о котором они договорились с Чан Люцзюнем. Дуань Лин открыл окно, он забрался внутрь и положил на стол Легуанцзянь и завернутый в ткань сверток, который тайком привез в город.

— Это все вам, — произнес Чан Люцзюнь, — давайте найдем его как можно скорее, а как только найдем, сразу сбежим.

Сказав это, Чан Люцзюнь отвернулся, и, не говоря больше ни слова, лег на кровать.

— Что ты делаешь? — озадаченно спросил У Ду.

— Сплю. Я не спал всю ночь.

У Ду сорвался на крик, и Дуань Лин тут же приказал ему вести себя потише, чтобы никто в гостинице не услышал, что немой разговаривает.

— Если не здесь, то где еще мне остановиться? — спросил Чан Люцзюнь.

У Ду ответил:

— Ты можешь занять ту комнату.

— Эй, эй, не делай этого! — Чан Люцзюнь встал.

Если У Ду освободит комнату, то, когда персонал придет убираться, они заметят, что в номере появился лишний человек, и тогда они правда не смогут больше здесь оставаться. Дуань Лин сказал:

— Давайте снимем еще одну комнату.

У них не осталось иного выбора, кроме как снять еще один номер для Чан Люцзюня, и У Ду с Дуань Лином расположились в одном, а Чан Люцзюнь — в другом. Предупредив персонал, чтобы никто не беспокоил их и они могли выспаться, они закрыли дверь.

У Ду открыл сверток и нашел в нем одежду — комплект черных вещей, слишком больших и не совсем подходящих по размеру. Предположительно, это была сменная одежда Чан Люцзюня. У Ду затянул пояс на талии и произнес:

— Как только наступит ночь, я пойду проверю архив. А ты пока отдыхай.

Дуань Лин устало хмыкнул в ответ и лег на кровать. У Ду переоделся в удобную черную одежду, надел маску и опустил лицо к Дуань Лину. Тот потянулся пальцами к его маске, открывая угловатые и грубые контуры губ, и поцеловал его. Целую вечность они не размыкали объятий, пока наконец не расстались.

У Ду выпрыгнул из окна и, проходя мимо окна Чан Люцзюня, трижды постучал в него. В ответ раздался один-единственный стук, дающий понять, что он получил сигнал У Ду.

Не в силах заснуть, Дуань Лин ворочался с боку на бок. Ближе к полуночи шум вдалеке вернул его мысли в далекое прошлое, к той ночи в Шанцзине.

Что происходит? Дуань Лин резко сел. Вдалеке были слышны крики солдат, доносящиеся с конца улицы.

— Чан Люцзюнь! — Дуань Лин подошел и несколько раз ударил по стене, а когда обернулся, то увидел, что позади него стоял Чан Люцзюнь без рубашки, в одних белых штанах, и со скучающим видом.

Дуань Лин впервые видел Чан Люцзюня без одежды... Нет, постойте, он имел в виду, что впервые видел Чан Люцзюня не в черной форме убийцы. Выглядел он совсем не знакомо, и Дуань Лин почти не узнал его.

— Что там происходит?

— Наверное, военные учения.

Чан Люцзюнь в полудреме вернулся в комнату, упал на кровать Дуань Лина и продолжил спать.

— Я хочу выйти на улицу и проверить, — произнес Дуань Лин.

— Хочешь, чтобы тебя убили? — ответил Чан Люцзюнь.

Дуань Лину ничего не оставалось, как прекратить разговор. Крики снаружи становились все громче и громче, и Дуань Лин высунул голову из окна, чтобы посмотреть.

— Город в огне.

— Ага, — Чан Люцзюнь перевернулся и продолжил спать дальше.

— Город в огне! — произнес Дуань Лин. — Что нам делать? Не может же быть, чтобы город пал?! Неужто напали монголы?!

Несомненно, монгольская армия действительно атаковала город сегодня ночью. Им удалось каким-то образом проникнуть внутрь, и вдруг юго-восточный район охватило пламя. Один за другим поднимались на ноги горожане, и Дуань Лин, заметив, что переполох дошел до постоянного двора, начал нервничать.

— Чан Люцзюнь! Вставай уже!

— Спи, — сказал Чан Люцзюнь, — хватит уже болтать.

Дуань Лин потерял дар речи.

Дуань Лин пошел в комнату Чан Люцзюня и взял его форму убийцы. Он бросил ее на него и воскликнул:

— Монгольская орда в городе!

— Ты уверен!

— Очень уверен! — ответил Дуань Лин. Он прошел через несколько сражений и мог судить о масштабах нападения по одному только виду. Монгольские солдаты ворвались в город, но их было еще не так много. Поэтому им приходилось бегать и поджигать все вокруг, чтобы их численность казалась больше.

Снаружи, на перекрестке, отряд монгольских солдат вступил в схватку с отрядом киданьских воинов. Стрелы разлетались во все стороны, и когда Дуань Лин высунул голову, чтобы осмотреться, Чан Люцзюнь схватил его за талию и потащил обратно. Не прошло и минуты, как изнутри гостиницы раздался крик; на этот раз Чан Люцзюнь никак не мог заснуть, поэтому ему осталось лишь встать и накинуть нижнюю рубашку. Они услышали, как кто-то открывал двери одну за другой, и каждый удар ногой сопровождался истерическим криком.

Дуань Лина охватила ярость, когда он услышал этот звук, и он огляделся в поисках меча. Когда он уже собирался выбежать из комнаты, Чан Люцзюнь подхватил Байхунцзянь, и, как только за дверью раздались шаги, пронзил мечом саму дверь.

Из коридора донесся жалобный крик. Чан Люцзюнь вернул меч и снова вонзил его в дверь. Теперь за дверью стало тихо.

— Готово, — произнес Чан Люцзюнь, — теперь давай спать.

— Уходим! — Дуань Лин просто потерял дар речи. — Ты хочешь еще поспать?

— А куда мы пойдем? — Чан Люцзюнь тоже потерял дар речи.

— В любом случае, мы должны выбраться отсюда!

— Ты не собираешься ждать своего мужчину?

Подумав об этом, Дуань Лин понял, что должен был ждать, но он мало что мог сделать. Шум боя стал намного громче, и он не мог безучастно наблюдать за тем, как это бедствие распространяется по городу, ничего не предпринимая.

— Пойдем!

Дуань Лин распахнул дверь. Коридор был ярко освещен, лампы лежали на полу, и уже начало гореть масло.

Снаружи на полу лежали два монгольских солдата, и еще больше их поднималось по лестнице. Дуань Лин подобрал с трупа монгола лук и колчан и перекинул его через плечо. Сделав сальто, Чан Люцзюнь прыгнул на перила лестницы и соскользнул вниз; монгольские солдаты с криками проносились мимо него, и их тела устилали пол.

Дуань Лин натянул тетиву, наложил стрелу и выстрелил в сторону главного зала постоянного двора. Стрела попала в голову монгольского солдата, который только что ворвался внутрь!

Дуань Лин выбежал из гостиницы. По всей улице полыхали пожары — враг ворвался в город

через восточные ворота Лояна.

Взяв Дуань Лина под руку, Чан Люцзюнь взбежал по стене и в несколько шагов добрался до крыши. Они опустились на второй этаж трактира, расположенного через дорогу.

— Жди здесь, — сказал Чан Люцзюнь. — Я пойду посмотрю, что происходит.

Дуань Лин не так уж и боялся, ведь у него был лук и стрелы. Чан Люцзюнь перепрыгнул через карниз и несколькими быстрыми шагами вбежал на возвышенность. Он посмотрел вдаль, а потом прыгнул на башню.

Вся улица, на которой был расположен постоянный двор, уже горела, и огонь продолжал распространяться. Одиноким монгольский солдат, отделившийся от основных сил, выслеживал на улице простолюдинов, и Дуань Лин прицелился. Солдат был мгновенно подстрелен и упал с лошади.

По всей улице воцарился хаос. Приблизилась фигура в черной одежде и оглянулась по сторонам.

— У Ду? — Дуань Лин сразу же узнал его и воскликнул. — Я здесь!

Повсюду кричали люди, заглушая голос Дуань Лина. Когда У Ду ворвался в пламя, Дуань Лин не успел крикнуть еще раз и выпустил стрелу, которая полетела в море огня и вонзилась в столб перед У Ду. Тот резко обернулся и заметил над собой Дуань Лина. Снова бросившись к нему, он со страхом в глазах оглядел его с ног до головы.

— Ты до смерти меня напугал. Что ты здесь делаешь один? — яростно прорычал У Ду.

Дуань Лин сорвал с него маску и поцеловал его. Лицо У Ду было покрыто сажей от огня, а его руки крепко обнимали Дуань Лина.

— Город прорван, — сказал У Ду. — Кидани пытаются сдержать нападающих.

— Что происходит?

— Монгольская армия внезапно напала ночью и подожгла все императорские хранилища в восточной части города. Понятия не имею, как они туда попали.

Чан Люцзюнь спрыгнул сверху, и У Ду хмуро спросил его:

— Почему тебя не было с ним?

— С ним все было в порядке, — сказал Чан Люцзюнь. — На нем реликвия Зала Белого Тигра, и он умеет стрелять из лука. О чем тут беспокоиться?

У Ду прыгнул на улицу с Дуань Лином на руках, и он произнес:

— Пойдем, проверим западную часть. Вперед!

Он до сих пор помнил храм, в котором останавливался, когда был беженцем. Если он все еще там, то, скорее всего, именно внутри него собирались все ханьские беженцы.

В том направлении в город стекалось множество монгольских солдат. У Ду задумался, а затем сказал:

— Это слишком опасно. Почему бы нам просто не покинуть город?

— Сначала сходим в западную часть, — ответил Дуань Лин. — Если мы не найдем его там, то ничего не поделаешь. Придется отказаться от его поисков.

Прорыв произошёл именно в западной части города. Монгольские лазутчики среди ночи перебили стражу у ворот, и толпы воинов хлынули внутрь. Киданьские войска отчаянно сопротивлялись, волна за волной бросаясь в бой. Лошади скакали галопом в их сторону, и У Ду схватил одну из них, взобравшись на нее верхом вместе с Дуань Лином. Они устремились к западным воротам.

Вокруг металась в панике горожане. Дуань Лин понимал: слепой старик не сможет бежать в такой суматохе и наверняка останется у храма. Если его вообще можно найти, это будет их последним шансом.

— Вперед — в бой! — прокричал кто-то на киданьском языке.

На улице киданьская армия перешла в наступление. У Ду направил своего коня в сторону, чтобы не мешать им, и Дуань Лин резко обернулся — молодой офицер, с ног до головы облаченный в серебряные доспехи, вел сотню человек навстречу монгольской армии, наступающей с неудержимой силой!

Однако монгольских воинов было значительно больше, и они имели подавляющее преимущество. Под прикрытием щитов они ринулись на киданьские войска, и началась кровавая схватка. У Ду, поняв, что на лошади не прорваться, схватил Дуань Лина и ворвался на второй этаж придорожного дома, после чего они продолжили мчаться по крышам.

Чан Люцзюнь уже куда-то исчез. Они забрались на карниз, и, бросив мимолетный взгляд вниз, Дуань Лин заметил, что киданьская армия уже неоднократно была отброшена назад. Молодой офицер не выдерживал натиска монголов и казалось, что он вот-вот свалится с лошади.

Телохранитель, находившийся неподалеку, подбежал к нему и щитом отбивал стрелы.

Затем с яростным криком монголы прорубили кровавый путь к молодому офицеру.

Дуань Лин, приняв решение за долю секунды, быстро натянул тетиву, и стрела вылетела подобно метеору!

Монгол, возглавляющий отряд, владел огромной противокавалерийской саблей, и стрела Дуань Лина попала ему прямо в левый глаз. Он взвыл от боли, а сабля с глухим стуком приземлилась на бок и ударила по доспехам молодого киданьского офицера.

— Уходим! Забудьте о них! — на крыше появился Чан Люцзюнь и поторопил их.

— Нет, подожди немного! — Дуань Лин взвел лук и снова натянул тетиву. Молодой киданьский офицер рухнул на спину своего коня, и на него надвигались толпы людей. Дуань Лин выпустил еще одну стрелу, и ее наконечник полетел вслед за офицером, прорывая круг окружающих его людей.

Шлем офицера упал, и он, едва дыша, привалился к гриве лошади.

По его доспехам Дуань Лин понял, что это, должно быть, был кто-то очень важный в Ляо. Приземлившись вместе с У Ду, он отвел коня в сторону. Доспехи офицера весили более двадцати кэти, и, когда он упал, они шумно ударились о землю.

— Ты в порядке? — Дуань Лин потряс офицера.

Длинные волосы растрепанного молодого воина рассыпались по плечам. Его ударили двуручной саблей, поэтому в голове до сих пор звенело. Изображение перед ним в один момент становилось четким, а в другой — размытым.

— Дуань Лин? — произнес он, прежде чем потерять сознание.

Дуань Лина внезапно охватил удар, и он стоял как громом пораженный.

Елкой Цзунчжэнь! Что он делает в Лояне?!

— Ты его знаешь? — спросил У Ду.

— Я... — Дуань Лин вдруг растерялся. В переулок с поднятым оружием вбежало еще больше солдат, и У Ду выхватил меч, убивая двух монгольских воинов. На улице царил полный хаос. Пока еще ничего не произошло, Дуань Лин произнес:

— Пошли, заберем его отсюда!

Они повели Елюй Цзунчжэня через переулок, а затем ворвались в чей-то задний двор. В доме больше не было людей — видимо, те, кто там жил, сбежали.

У Ду стоял на страже у двери. Дуань Лин немедленно снял с Цзунчжэня доспехи и внимательно осмотрел его тело. На нем не было видимых порезов, но из носа капала кровь — вероятно, он получил сотрясение от удара двуручной саблей монгольского солдата. На его шлеме была вмятина, так что его, скорее всего, приложили довольно сильно.

— У тебя есть какие-нибудь иглы? — спросил Дуань Лин. — Мне нужны только две.

У Ду достал из кармана две иглы и отдал их Дуань Лину, глядя на Цзунчжэня.

— Он император Ляо, — произнес Дуань Лин.

У Ду потерял дар речи.

Сначала Дуань Лин воткнул одну иглу, чтобы стабилизировать меридианы, а затем медленно ввел другую под ухо, зажав один конец между двумя пальцами и поворачивая ее. Во время всего этого процесса он должен был быть предельно осторожен.

— Что ты пытаешься сделать? — сказал У Ду. — Будь осторожен. Не шути так.

Его отец однажды сказал ему, что если кто-то упадет с лошади во время битвы и ударится головой о землю, то может потерять сознание. В этом случае травмируется мозг, и нужно выпустить кровь из-за уха, иначе образуется сгусток и вызовет рвоту, в результате чего пациент впадет в кому.

— С ним все будет в порядке, — ответил Дуань Лин. — Это первая помощь.

Когда он вытаскивал серебряную иглу, из раны, как он и предполагал, просачивалась темная кровь. Елюй Цзунчжэнь все еще находился без сознания и не подавал признаков пробуждения, поэтому Дуань Лин усадил его спиной к стене двора и несколько раз погладил по лицу.

Елюй Цзунчжэнь тоже подрос и стал выше. В прошлый раз, во время их короткой встречи в Шанцзине, они были еще совсем юными; к удивлению Дуань Лина, под доспехами Цзунчжэня он был не менее мускулист, чем любой другой военный офицер. Очевидно, в течение последних двух лет он не пренебрегал стрельбой из боевого лука — возможно, даже тренировался больше, чем кто-либо другой.

— Цзунчжэнь, — мягко произнес Дуань Лин.

Глубокая морщина между бровями Елюй Цзунчжэня слегка разгладилась. Дуань Лин испытывал смешанные чувства при виде Цзунчжэня: его мучило чувство вины, ему было невыносимо видеть его таким, но больше всего он был благодарен за то, что не так давно тот одолжил Е еду.

Дуань Лин посыпал рану Цзунчжэня лекарством, останавливая кровотечение.

— Сюда идут киданьские солдаты, — сказал У Ду, выглядывая наружу.

— Пойдем.

Дуань Лину пришлось оставить Цзунчжэня. Когда он собрался выйти из комнаты, У Ду подал ему знак, что они не могут воспользоваться дверью. Он обхватил Дуань Лина за талию, и они прыгнули на стену, после чего У Ду увел его в сторону, скрываясь в тени на втором этаже.

Снаружи шум боя постепенно стихал: монгольская армия отступала, а киданьская овладевала полем боя. Может быть, потому, что за ходом сражения наблюдал сам император, но солдаты скорее умерли бы, чем сдались, и каждый из них по силе превосходил сотню. Они заставили монголов отступить к городским воротам, и линия сражения постоянно сузилась.

Дуань Лин наблюдал за тем, как в город вошел отряд телохранителей с факелами наперевес. Когда они нашли раненого Елюй Цзунчжэня, их охватила паника, и они поспешно принесли носилки, чтобы унести его. На горизонте забрезжил рассвет, и, увидев старого друга, Дуань Лин почувствовал себя так, словно их последняя встреча произошла в прошлой жизни.

— Вы были близкими друзьями? — спросил У Ду.

— Мы виделись всего пару раз.

Чан Люцзюнь догнал их и просвистел с крыши дома напротив. У Ду сказал:

— Пошли, надо, чтобы Чан Люцзюнь ничего не узнал.

Дуань Лин почувствовал тревогу, но говорить об этом было уже некогда. Он спрыгнул на землю вместе с У Ду, отправившись в храм на поиски того человека.

Захудалый храм, в котором когда-то останавливался Дуань Лин, уже сгорел, и от него остались одни руины. Под плиткой и кирпичами лежало несколько трупов. Когда Чан Люцзюнь пришел к ним на встречу, они втроем внимательно осмотрели здание, а Дуань Лин все еще был погружен в свои мысли.

Вокруг раздавался плач людей. Чан Люцзюнь и У Ду вместе подняли столб, спасая при этом

несколько человек.

— Его здесь нет, — произнес Чан Люцзюнь, — скоро наступит утро. Что нам делать?

Дуань Лин вспомнил, что они с У Ду все еще должны были изображать тангутов, отца и сына, а сейчас У Ду был одет в черные одежды разбойника, да еще и сопровождал их таинственный Чан Люцзюнь, что наверняка привлечет внимание киданьских военных. Кидани и монголы только что закончили бой, и мимо них проносились патрули в поисках монголов, оказавшихся в ловушке за городскими стенами. Вскоре они объявят тщательный обыск города, и если солдаты заметят их, то спрятаться им уже не удастся.

— Давайте вернемся, — сказал Дуань Лин. — Сначала переоденемся, а потом придем еще раз, чтобы что-нибудь придумать.

Чан Люцзюнь бросился в узкий переулок. У Ду колебался, и Дуань Лин сказал:

— Найди какое-нибудь укрытие, спрячься и иди за мной.

У Ду кивнул. Дуань Лин отвернулся от полуразрушенного храма и ступил по аллее.

В голове у него снова и снова прокручивался образ юношеских и в то же время мужественных черт Цзунчжэня. Когда-то Цзунчжэнь хотел взять его с собой в Чжунцзин, но из-за падения города они потеряли связь. Интересно, все ли у него сейчас хорошо?

Дуань Лин задался вопросом, вспомнит ли Цзунчжэнь, что произошло в тот краткий миг, когда он потерял сознание. Или он просто поверит, что это была всего лишь галлюцинация?

Зачем он пришел в это место?

Дуань Лин был переполнен вопросами. Проходя по улице, он как-то незаметно для себя добрался до задней двери аптеки. Подняв голову, он понял, что это то самое место, где он раньше жил; несмотря на то, что прошло уже два года с тех пор, как он проходил по этой улице, он инстинктивно пришел сюда.

— Чан Люцзюнь! — произнес Дуань Лин.

— Он ушел, — ответил голос У Ду, который неведомо когда появился из неоткуда, и, присев на карниз, глядел на него сверху вниз.

Дуань Лин хотел выяснить, рядом ли еще Чан Люцзюнь, поэтому хорошо, что он ушел. Он на мгновение задумался, а затем сказал У Ду:

— Я хочу ненадолго заглянуть сюда.

— Что это за место?

— Это место, где я раньше жил. Когда я возвращался в Сычуань, то довольно много времени провел в этой аптеке в Лояне.

— Заходи. Я останусь снаружи и присмотрю за тобой.

Дуань Лин обошел здание по переулку и постучал в дверь. Она была не заперта, поэтому он открыл ее и вошел внутрь. Здание уже освободили, и в нем не было ничего, кроме соломенной трухи и мусора на полу.

Владелец и его семья тоже в какой-то момент уехали; со временем все изменилось. Дуань Лин направился дальше внутрь, чтобы взглянуть на дровяной сарай, где он когда-то спал. Он ничуть не изменился.

У Ду вбежал во двор и огляделся по сторонам. Дуань Лин улыбнулся ему.

— Раньше это место было моим убежищем.

— Зимой того года?

— Да.

К этому городу он испытывал более или менее выраженное чувство благодарности. Вместе с У Ду он прошел через внутренний двор и направился к главным дверям. Часть прилавка была убрана, а почти все медицинские шкафчики на стенах опустошены.

— Хозяин, наверное, сбежал, — сказал Дуань Лин.

— Не обязательно. Смотри.

Дуань Лин разговаривал с У Ду и чуть не споткнулся о что-то на полу. От испуга он остановился. За прилавком валялась бесформенная куча каких-то вещей, и, похоже, в ней кто-то лежал.

У Ду громко захохотал, как будто знал, что Дуань Лин будет удивлен.

Должно быть, это был бездомный. Дуань Лин не хотел его будить, поэтому произнес:

— Пойдем.

Но бродяга все равно проснулся. Шатаясь, он попытался встать на ноги и, нащупав рядом с подстилкой сколотую глиняную миску, поднял ее, а другой рукой перебирал пол вокруг себя.

Дуань Лин достал из кармана и бросил их в миску нищего несколько монет. Они упали с металлическим звоном.

— Спасибо... — произнес человек, услышав, как медные монеты ударились о чашу. Это был голос старика.

Внезапно он показался Дуань Лину знакомым, но он не мог понять, где слышал его раньше.

— Здравствуйте, господин, — сказал Дуань Лин.

— О вы, идущие на север и на юг, вы, богатые и знатные люди, пожалуйста, сделайте доброе дело и пожалейте этого старика... У меня нет детей, которые могли бы обо мне позаботиться, ох...

«Приходите за своими вонтонами...»

За долю секунды хриплый голос каким-то образом вернул Дуань Лина в снежную ночь в Жунани.

Он просто стоял на месте, не в силах унять дрожь.

— В чем дело? — спросил У Ду.

— Открой дверь... — сказал Дуань Лин. Его голос дрожал.

У Ду ступил на прилавок и поднялся на потолочную балку. От нее отлетело несколько черепиц, и в комнату пролился дневной свет, обволакивая каждую пылинку.

Дуань Лин медленно опустился на колени и изумленно уставился на старика.

Пожилой мужчина был слеп на оба глаза. Он поднял голову, словно что-то почувствовав, от его тела исходил дурной запах. Рядом с ним лежал травяной коврик и несколько рваных ватных одеял. Очевидно, здесь он и жил. Монголы и кидани сцепились в битве всего в одной улице отсюда, но почему-то никому не пришло в голову заглянуть сюда.

— Вы д-дедушка Ци...? — Дуань Лин задрожал. Казалось, его голос больше не принадлежал

ему.

Он наконец-то вспомнил, но тут У Ду внезапно зажал ему рот рукой и потащил за прилавок.

— Кто... Кто звал меня? — произнес слепой старик, пошатываясь.

— Не зови его! — прошептал рядом с ухом Дуань Лина У Ду.

Дуань Лин уже совсем растерялся. Старик перед ним был тем самым Цянь Ци, который продавал вонтоны возле поместья семьи Дуань в Жунани! На мгновение Дуань Лин даже не вспомнил его фамилию. Дети называли его просто «дедушка Ци, дедушка Ци», и, по их словам, он всю жизнь продавал вонтоны в Жунани. Дуань Лин тоже называл его «дедушка Ци». И тут он вдруг вспомнил приказ Чан Пина и связал его с этим «человеком по фамилии Цянь» — тогда и только тогда он осознал, что тот, кого он искал, и был тем самым продавцом вонтонов Цянь Ци!

— Он... Он...

— Ш-ш-ш... У Ду быстро вывел Дуань Лина из аптеки. Только когда они оказались в переулке, У Ду приложил ухо к его губам, давая понять, что ему не следует говорить слишком громко, чтобы старик его не услышал. Ведь слепые обычно обладают чутким слухом.

Дуань Лин тихо рассказал У Ду всю историю. Раньше он думал, что они ищут кого-то из поместья Дуань, и не предполагал, что это мог быть Цянь Ци, сопоставив факты, похоже, Му Куанда действительно что-то заподозрил! Возможно, именно те слова, что монгол Амгу выкрикнул той ночью, заронили в нем сомнения и подтолкнули к расследованию происхождения наследного принца. Вот почему он отправил Чанпина на поиски.

И теперь Дуань Лин наконец-то все понял.

— Что же нам делать? — Дуань Лин так напрягся, что его всего затрясло.

— Пусть Чан Люцзюнь отвезет его обратно в Цзянчжоу. Избегай любых контактов с ним.

Дуань Лин вспомнил, что произошло, и почувствовал, как его спина насквозь пропиталась потом. Если бы У Ду не остановил его, он бы наверняка выпалил: «Я — Дуань Лин».

К тому же, если Чан Люцзюнь, Му Куанда и Чан Пин поговорят со стариком, он в порыве слабоумия может рассказать, как встретил Дуань Лина в аптеке. Если так, то Дуань Лин никогда не сможет откреститься.

У Ду на мгновение задумался, а потом сказал ему:

— Отдай его им.

— Кому отдать? — мозг Дуань Лина, казалось, перестал работать.

— Передай его Му Куанде и жди. Когда он на глазах у всех столкнется с наследным принцем, тогда ты и покажешь себя.

Дуань Лин ничего не сказал.

Он был слишком занят, чтобы думать. За ночь произошло так много событий, в его голове накопилось множество неувязок, а сердце словно превратилось в спутанный клубок ниток.

— Верно, — Дуань Лин заставил себя успокоиться и сказал. — Ты прав.

— Я пойду в гостиницу за Чан Люцзюнем, и мы попросим забрать его отсюда, как и планировалось.

— Но я уже назвал его имя, — спросил Дуань Лин. — А что мы будем делать, если он его назовет?

— Это неважно, — ответил У Ду. — Можем просто сказать, что узнали об этом благодаря расспросам на обратном пути.

Дуань Лин усилием заставил себя кивнуть, все еще учащенно дыша.

— Тогда я буду стоять здесь на страже, — Дуань Лин, прежде чем У Ду успел возразить, добавил. — На случай, если он попытается уйти.

— Почему бы нам не взять его с собой? Я могу нести его на спине.

— Это будет слишком заметно, — тихо сказал Дуань Лин. — Не может быть, чтобы нас не допросили проходящие мимо солдаты!

— Если это случится, мы как-нибудь выкрутимся, — прошептал У Ду. — Просто скажем, что спасли старика по дороге.

— Посмотри, что на тебе надето, — Дуань Лин провел ладонью по черному костюму У Ду. — Стражники ни за что не поверят тебе в этой одежде и со стариком на спине. И если они нападут на тебя, придется беспокоиться и о нем.

Цянь Ци было уже восемьдесят три года, даже Дуань Лин не думал, что он сможет прожить так

долго. В Жунани ему было уже за семьдесят, когда он ходил по улицам с тростью и корзинами вонтонов за плечами. Восемь лет пролетели в один миг, и каким-то чудом он выжил.

— Тогда я вернусь так быстро, как только смогу, — сказал У Ду.

Сейчас стояло раннее утро, и прочесывание территории киданьской армией становилось все более тщательным: они ходили от двери к двери, пытались выяснить, не скрываются ли еще в городе монгольские солдаты. В своей черной одежде, рассчитанной на ночное время, У Ду будет нелегко передвигаться, если он промедлит.

— Поторопись. Иди, — произнес Дуань Лин. Он вернулся к передней части аптеки и заглянул в окно. Старик по-прежнему сидел в главном зале с безучастным выражением лица и чашей в руке, о чем-то размышляя.

У Ду спрыгнул на крышу и, не обронив ни слова, ушел. Чем быстрее он уйдет, тем быстрее сможет вернуться.

Постепенно Дуань Лин успокоился. Он снова подумал о семье Дуань — у них было такое большое хозяйство, но ни один из них не выжил? Почему Чан Пин ищет дедушку Ци, а не госпожу Дуань? Или вся семья переехала после войны, и теперь их никак не разыскать?

Снаружи проехало несколько киданьских патрулей. Чтобы никто не заглянул с улицы и не увидел, что он стоит в одиночестве, уставившись в пустоту, и тем самым вызывает подозрения, Дуань Лин медленно вышел из переулка на улицу.

Эта улица не пострадала от войны, и Дуань Лин с удивлением обнаружил, что придорожные забегаловки были все еще открыты, а в котелках бурлило масло, готовящееся к жарке лепешек для продажи на завтрак.

Дуань Лин перешел улицу и купил два маньтоу* для Цянь Ци. Он засунул их в карманы, огляделся по сторонам, чтобы проверить, не проезжают ли мимо кареты, и вдруг кого-то заметил.

* Маньтоу - белая паровая булочка.

Этот кто-то держал в руках поводья Бэнь Сяо, измученный дорогой и покрытый пылью, и стоял в самом центре дороги. Дуань Лин с трудом поверил своим глазам и уже было подумал, что ошибся — это не мог быть Лан Цзюнься.

Они стояли лицом к лицу, и на мгновение в голове Дуань Лина все померкло.

— Наконец-то я нашел тебя, — произнес Лан Цзюнься.

Это было уже третье потрясение за последние двадцать четыре часа: одно за другим, и от каждого из них он терял дар речи. Времени на раздумья у него уже не было, и он решительно бросился бежать!

Лан Цзюнься сделал несколько шагов навстречу, а затем устремился за ним.

В голове Дуань Лина была только одна мысль — бежать! Он не мог позволить Лан Цзюнься поймать его и не мог позволить ему узнать, где находится Цянь Ци! Его первоочередной задачей было выиграть время для У Ду!

К счастью, Лан Цзюнься понятия не имел, что он делал на этой улице, и поэтому бросился прямо на Дуань Лина. Тем самым он уже привлек внимание людей по обе стороны улицы. Дуань Лин побежал к толпе и закричал:

— Помогите!

Неподалеку от него киданьский солдат резко обернулся. Дуань Лин бросил все свои силы, чтобы добежать до него. Лан Цзюнься ускорился и летел на него, как речет. В мгновение ока он сократил расстояние между ними на десять чи!

Дуань Лин догнал всадника, который направился к нему, и, обернувшись, понял, что Лан Цзюнься был намного быстрее, чем он, и, не издав ни звука, уже настиг его, оказавшись прямо за ним.

Тогда Дуань Лин нырнул под брюхо лошади и перекатился. Лан Цзюнься прыгнул почти вертикально вверх, забрался на голову лошади и, развернувшись, обнажил Циньфэнцзянь. Подняв руку, он одним движением меча вниз залил воздух вокруг кровью!

Дуань Лин поднялся на ноги. Времени на то, чтобы оглядываться, больше не было, и он просто бежал в ту сторону, где было больше всего людей. Вокруг них, злобно рыча, начали собираться киданьские солдаты. Они набросились верхом на Лан Цзюнься, а Дуань Лин к тому времени уже успел скрыться за лошадьми. Кто-то схватил его.

Так как их разделяли десятки киданьских воинов, и, похоже, поймать Дуань Лина уже не удастся, Лан Цзюнься развернулся и исчез в переулке.

Дуань Лин понял, что только что прогулялся до ворот ада и обратно; он все еще задыхался, но его уже поймала армия киданей. Он размышлял, что делать: У Ду здесь не было, и что бы сейчас ни случилось, он не должен был оставаться один, иначе Лан Цзюнься обязательно вернется снова. Вдруг он закричал на киданьском:

— Отведите меня к Цзунчжэню! Это я спас его прошлой ночью!

Дуань Лин знал, что Елюй Цзунчжэнь наверняка сомневался в том, что произошло накануне, и раз уж он упомянул о его поисках, то достаточно будет сказать об этом, и он сможет с ним встретиться!

Солдаты умолкли. Капитан и стражники немного пошептались между собой, прежде чем увести Дуань Лина с собой.

Дуань Лин беззвучно молился — пожалуйста, не дайте Лан Цзюнься узнать о существовании Цянь Ци... пусть У Ду и Чан Люцзюнь быстрее доберутся до него. Иначе ему останется лишь бросить все на произвол судьбы...

Но... Что Бэнь Сяо делает с Лан Цзюнься?!

Дуань Лину вдруг пришло в голову нечто ужасающее — неужели Чан Пин был убит?

***

В штаб-квартире городской стражи строго следили за порядком. Дуань Лина завели во внутренний двор, а затем солдат попросил его подождать, пока он выйдет, чтобы сообщить о его прибытии. Дуань Лин, дрожащий как загнанный зверь, беспокойно озирался, оценивая оборонительные укрепления. Он размышлял, сможет ли Лан Цзюнься прорваться сквозь эту защиту. Все солдаты в этом доме были личными телохранителями Елюй Цзунчжэня, поэтому они должны были быть в состоянии остановить убийцу, ведь в противном случае любой из четырех великих убийц мог бы по желанию устранять кого угодно.

Не прошло и мгновения, как Елюй Цзунчжэнь, одетый в одни штаны и с обнаженным торсом, с диким криком бросился прямо на Дуань Лина, повалив обоих на пол.

Елюй Цзунчжэнь разразился искренним смехом, но лицо Дуань Лина было совсем пепельным. Наконец-то я в безопасности.

Елюй Цзунчжэнь прижал Дуань Лина к полу, заглядывая ему в глаза, и, к удивлению Дуань Лина, в его глазах стояли слезы.

— Это правда ты, — Елюй Цзунчжэнь переключился на ханьский и произнес. — Я знал, что мне не приснилось. Дуань Лин, ты вернулся.

В тот же миг в его сердце вспыхнула сотня разных чувств, и Дуань Лин улыбнулся.

Елюй Цзунчжэнь встал с пола и, взяв Дуань Лина за руку, поднял его на ноги. Дуань Лин спросил:

— Голова еще болит?

— Это была всего лишь небольшая рана. Не стоит упоминания.

Крепко взяв Дуань Лина за руку, Елюй Цзунчжэнь повел его в главный зал, где пылало несколько жаровен. Дуань Лин хотел попросить Елюй Цзунчжэня послать кого-нибудь проведать аптекаря и узнать, не увезли ли Цянь Ци, а также передать сообщение У Ду, но он опасался, что, если гонец покинет штаб стражи, это вызовет подозрения у Лан Цзюнься.

Более того, если У Ду и Чан Люцзюнь вместе, то сказать У Ду, чтобы он отправился в штаб городской стражи, будет равносильно тому, что Чан Люцзюнь узнает, что Дуань Лин знаком с императором Ляо. Этого никак не объяснить.

После долгих раздумий Дуань Лин только и мог сказать:

— Цзунчжэнь, вопросы ко мне могут подождать. Отправь гонца с этим предметом в аптеку «Зал Вечного Мира», что за северо-западными воротами, и найди там человека в тангутской одежде. В шляпе у него коричневое перо дикого гуся. Покажите ему это и приведите сюда.

Дуань Лин передал Цзунчжэню браслет, который подарил ему У Ду, а тот поручил это сделать одному из своих подчиненных. Он жестом пригласил Дуань Лина сесть — его глаза светились.

— Похоже, моя догадка все-таки оказалась верной, — сказал Елюй Цзунчжэнь. — Я написал твоему дяде письмо.

— Как... как ты узнал? — Дуань Лин начал понимать, что ему грозила опасность.

— Фэй Хундэ получил и лично принес мне твое письмо. Я когда-то читал твои сочинения — по твоему стилю письма и почерку и узнал. В прошлую нашу встречу ты называл меня «Ваше Величество», а теперь — «Цзунчжэнь», что в точности подтвердило мои догадки.

Дуань Лин ничего не ответил.

Елюй Цзунчжэнь приказал своим слугам покинуть комнату, а Дуань Лин перед их уходом произнес:

— Скажи им, чтобы усилили охрану. Кое-кто хочет меня убить.

Выражение лица Елюй Цзунчжэня помрачнело, и он приказал своим телохранителям снаружи усилить охрану. Кто-то ответил на его просьбу, и вскоре Дуань Лин услышал звук закрывающихся дверей и окон, а затем шаги. Теперь у каждого окна стояло по стражнику.

Над их головами раздавались звуки охранников, наступающих на черепицу. Дуань Лин поднял взгляд к потолку: даже на крыше стояло три телохранителя.

— Не бойся, — сказал Елюй Цзунчжэнь. — Все они — члены моей личной стражи, и каждый из них — мастер боевых искусств. Они не уступают даже отряду тринадцати Хэляня.

Дуань Лин кивнул и облегченно выдохнул.

— Ты не думаешь, что должен объясниться? — Елюй Цзунчжэнь пристально посмотрел на него.

Дуань Лин устало улыбнулся и снова взглянул на Елюй Цзунчжэня. Прошло всего два года, но они оба уже выросли. Хотя перемены в Елюй Цзунчжэне не были столь очевидны, как в Бату, но даже в состоянии покоя в его чертах прослеживался внушительный пыл, более выразительный, чем в Шанцзине, к тому же он стал гораздо более зрелым.

— Ты посадил этот персик в своем императорском саду? — спросил Дуань Лин.

— Я отведу тебя туда и покажу когда-нибудь. В этом году он начал плодоносить.

Дуань Лин засмеялся, но Елюй Цзунчжэнь лишь сохранил улыбку на лице. Если не считать того приступа искреннего смеха в тот момент, когда они снова встретились, Елюй Цзунчжэнь больше не проявлял никаких чрезмерных перепадов настроения.

— Хочешь чего-нибудь поесть? — сказал Елюй Цзунчжэнь, не торопя Дуань Лина с объяснениями.

— Давай, — вздохнул Дуань Лин. Ему было интересно, вернулся ли солдат, посланный к У Ду.

Елюй Цзунчжэнь заказал еду, пришел слуга, налил Дуань Лину чая с молоком и принес огромный кусок бараньих ребрышек. Дуань Лин не ел всю ночь и приступил к трапезе. Тогда Елюй Цзунчжэнь достал маленький нож и нарезал для него мясо.

— Хочешь вина?

Дуань Лин покачал головой: его рот был полон еды, а сердце — тревоги. В конце концов он проглотил пищу и произнес:

— Я так устал.

Елюй Цзунчжэнь спокойно смотрел на Дуань Лина. Он уже набил желудок и знал, что больше не нужно было скрывать все от Елюй Цзунчжэня. Если учесть, насколько он был умен, то

наверняка уже обо всем догадался.

— В тот год мой отец вернулся на юг, — сказал ему Дуань Лин. — И оставил меня в Шанцзине.

Начав рассказ, Дуань Лин в подробностях поведал Елюй Цзунчжэню о своем прошлом, и когда дошел до той части, когда он вернулся в Сычуань, в дверь постучали.

— Ваше Величество, мы привели человека, которого вы искали.

Солдат открыл дверь, и как только У Ду вошел, выражение его лица помрачнело. Дуань Лин подумал про себя: «О, хорошо», и жестом показал У Ду, чтобы тот был спокоен.

У Ду несколько раз оглядел Елюй Цзунчжэня с ног до головы и, не говоря ни слова, подошел к нему и сел рядом.

— Так это он тебя спас? — спросил Елюй Цзунчжэнь.

— Да, это он, — ответил Дуань Лин, поднялся со своего места и подошел к У Ду, где снова сел.

— Я больше не могу уехать с тобой. Хотя Цай Янь и занял мое место, я должен вернуться на центральную равнину. Это мой единственный возможный путь.

— Ты — наследник Южной Чэнь, — выслушав всю эту историю, Елюй Цзунчжэнь не только не удивился, но и с улыбкой сказал Дуань Лину. — Именно так ты и должен поступить.

— Давай поговорим о тебе, — произнес Дуань Лин. — Что ты здесь делаешь?

Елюй Цзунчжэнь задумался, прежде чем ответить:

— Хань Вэйюн пытается меня убить. Он заманил меня в ловушку, вынудив прийти сюда. Но, наверное, это было и провидением. Без него я бы не смог встретиться с тобой. Каждый раз, когда речь заходит о жизни и смерти, ты всегда оказываешься рядом со мной. Наверное, так распорядилась судьба.

Дуань Лин изумленно уставился на него.

— Опять Хань Вэйюн?! — нахмурившись, произнес он.

— Месяц назад я хотел тайно отправиться в Силян, чтобы встретиться с Хэлянь Бо в пограничном уезде Кун и обсудить с ним некоторые вопросы. Но, увы, мы были недостаточно осторожны, о моем маршруте стало известно, и меня даже предал один из подчиненных. Хань

Вэйюн устроил на моем пути засаду с убийцами в попытке лишить меня жизни.

Елюй Цзунчжэнь вздохнул и, поднявшись, зашагал по комнате. Дуань Лин даже не стал раздумывать, зачем Елюй Цзунчжэню понадобилось навещать Хэлянь Бо: Силян была расположена между Ляо и Чэнь, а после битвы в Тунгуань семья Хэлянь и Чэнь породнились, открыв торговый путь и заключив брачный союз с Хуайинхоу. Чтобы укрепить связи с Силян, сам император лично отправился туда — что явно указывало на исключительную важность дела.

Однако истинные намерения Елюй Цзунчжэня оставались загадкой: то ли он стремился заручиться поддержкой Хэлянь Бо, чтобы противостоять Южной Чэнь, то ли устранить Хань Вэйюна — этого Дуань Лин знать не мог.

— Вы продолжали двигаться на восток с наемными убийцами на хвосте, — сказал Дуань Лин, — и когда Хань Вэйюн понял, что покушение на тебя не увенчалось успехом, он выдал твоё нынешнее местонахождение монголам.

— Верно. Доверенный помощник Угэдэя, Чаган, и первый мастер боевых искусств Юань, Амга, возглавили поход на юг и присоединились к монгольским войскам, идущим на север. Когда они узнали о моем местонахождении, то безжалостно преследовали меня, и мне ничего не оставалось, как бежать в Лоян. А что насчет тебя? Что ты здесь делаешь?

— Я приехал, чтобы проведать тебя, — после того как Елюй Цзунчжэнь так много рассказал ему, Дуань Лин ответил лишь этой короткой фразой.

Вместо того чтобы рассердиться, Елюй Цзунчжэнь лишь улыбнулся.

— У твоего соседа на заднем дворе пожар, и ему сейчас не до гостеприимства. Как стыдно.

Дуань Лин молча смотрел на Елюй Цзунчжэня, а тот поднялся и произнес:

— Ты уже дважды спас мне жизнь.

— Ты уже оплатил за услугу. Ваше зерно спасло людей из Е. Если посчитать, то это я у тебя в долгу.

— Это не в счет. В конце концов, я должен полагаться на вас для противостояния монгольской орде. Твоя уважаемая страна не обменяла Е, Хэцзянь и окрестности города Чан на мир с Угэдэем, за что я чрезвычайно благодарен.

Дуань Лин ответил:

— При жизни моего отца это была его земля. Разумеется, я не могу ее променять.

— Иди отдохни. Я слышал, что кто-то пытается тебя выследить, поэтому я назначу двадцать своих телохранителей сторожить твой дом. Здесь ты будешь в полной безопасности.

— В этом нет необходимости, — ответил У Ду, поднимаясь со своего места.

Елюй Цзунчжэнь бросил на него взгляд, но ничего не сказал и кивнул Дуань Лину. Дуань Лин попрощался с Елюй Цзунчжэнем, соблюдая нормы этикета, как и полагалось посланнику при встрече двух стран, и, как человек чувствительный, уловил в глазах Елюй Цзунчжэня намек на разочарование.

Елюй Цзунчжэнь ни о чем его не спрашивал, и Дуань Лин поначалу удивился этому. Неужели это все? Но, поразмыслив, понял — он и правда ничего не мог изменить. В городе их было всего двое, а за стенами бушевала осаждающая армия. Что они с У Ду могли сделать? К тому же Цзунчжэнь, в отличие от Бату и Хэлянь Бо, друзей детства, прошедших с ним сквозь огонь и воду, встретил Дуань Лина, уже был на императорском троне. Его положение не позволяло просить Дуань Лина о помощи.

Когда Дуань Лин и У Ду вышли из главного зала, к ним подошел человек, чтобы отвести их в место для ночлега.

У Ду вдруг остановился. Дуань Лин понял, что он хотел что-то сказать, поэтому обернулся и сделал жест. Личные охранники Цзунчжэня умели считывать настроение в комнате, и когда они увидели, что Дуань Лин подал им знак ретироваться, они отступили, сохраняя дистанцию.

— Где он? — Дуань Лин вспомнил, чем в последний раз должен был заниматься У Ду.

— Чан Люцзюнь караулит его в аптеке. У него нет пропуска на выход из города, поэтому он не может забрать старика отсюда. Ему нужно, чтобы ты что-нибудь придумал.

Дуань Лин кивнул, но У Ду, нахмурившись, спросил.

— Зачем ты пришел сюда?

Дуань Лин рассказал ему, что произошло. Выражение лица У Ду сразу же помрачнело, и он затих.

— Он был верхом на Бэнь Сяо, — сказал Дуань Лин.

— Я видел, — ответил У Ду. Когда он вернулся за Дуань Лином, то заметил Бэнь Сяо, который расхаживал по переулку, поэтому, оседлав его и отправившись на поиски, наткнулся на

киданьский поисковый отряд и чуть не был задержан. К счастью, в последний момент к нему подбежала личная охрана Елюй Цзунчжэня, и тогда У Ду немедленно был доставлен в штаб городской стражи.

— Чан Пин мертв? — спросил Дуань Лин.

— Не обязательно. Думаешь, Улохоу Му убил его?

— Должно быть, да. Наверное, он столкнулся с Чан Пином на дороге и убил его. Он уже ездил верхом на Бэнь Сяо, так что Бэнь Сяо его знает. Вот как они проделали этот путь. Если моя догадка верна, он, вероятно, вошел в город во время нашествия монголов.

— Если бы Чан Пин умер у него на руках... Он бы в жизни ему ничего не рассказал. Так как же он узнал, что мы в Лояне?

— Бэнь Сяо знает дорогу и привел его сюда. Он увидел огромную армию за городом и, возможно, неправильно понял — он хотел вернуться, чтобы спасти меня.

Жаль, что Бэнь Сяо не мог говорить, иначе они могли бы просто спросить его. У Ду произнес:

— Не делай поспешных выводов. Может, Чан Пин сбежал, а может, Бэнь Сяо не послушался, и, когда веревка ослабла, убежал сам, а Улохоу Му случайно на него наткнулся.

— Возможно.

У Дуань Лина возникло ощущение, что в его голове роилось слишком много мыслей, разбросанных, словно нити, и все они были спутаны, так что он не знал, с чего начать.

— Что нам делать?

— Достать бумагу, с которой можно покинуть город. Мы отправимся прямо сейчас.

Дуань Лин нахмурился. У Ду заметил, что Дуань Лина что-то не устраивало, и тихо спросил:

— О чем ты думаешь?

Дуань Лин покачал головой, ничего не сказав, и выражение лица У Ду помрачнело.

— Ты же не думаешь о том, чтобы помочь киданям защитить город?

Дуань Лин побледнел и взглянул на У Ду, зная, что он был не в ладах с киданями — они ведь убили его учителя, и с его стороны было довольно благоразумно обдумать ситуацию и не отрубить голову императору Ляо прямо там тогда.

— Думаю, — Дуань Лин старался не перечить У Ду, но тот все равно выглядел расстроенным. — Давай пока останемся здесь.

— Я не собираюсь рисковать своей головой ради киданей.

— Цзунчжэнь нужен мне живым! Если он умрет, у Великой Чэнь будут проблемы!

— Я ему не доверяю. Когда-нибудь Елюй Цзунчжэнь обязательно вторгнется на юг. У парня свои амбиции.

— Нет, — произнес Дуань Лин, качая головой. — Все не так, как ты себе представляешь, У Ду. Поверь мне.

Дуань Лин посмотрел на У Ду и пояснил:

— Хань Вэйюн и монголы уже заключили две сделки. В первый раз, когда пал Шанцзин, он, используя монголов, избавился от Елюй Даши. В этот раз он пытается использовать их, чтобы избавиться от Цзунчжэня. Как только Цзунчжэнь умрет, Хань Вэйюн и вдовствующая императрица Сяо получат единоличную власть в Ляо. Угадай, заключит ли Хань Вэйюн третью сделку с монголами и позволит ли им беспрепятственно пройти через территорию Ляо, чтобы они могли вторгнуться в Великую Чэнь?

В наступившей тишине У Ду произнес:

— Я не буду защищать императора Ляо, но в любом случае я никогда не смогу выиграть в споре с тобой.

И как только он закончил говорить, он ушел.

— У Ду!

Дуань Лин погнался за ним. Когда охранники заметили, что они замолчали, один из них подошел к Дуань Лину и жестом указал на другой коридор, говоря, что ему следует идти туда.

Но в итоге У Ду одним прыжком взобрался на стену и исчез, оставив Дуань Лина смотреть ему вслед.

— У Ду! — Дуань Лин почувствовал одновременно смущение и тревогу.

Телохранитель, казалось, немного растерялся и не знал, что ему делать. Он спросил Дуань Лина на киданьском:

— Он...

Дуань Лин заставил себя успокоиться и сказал охраннику:

— Ему нужно кое-что сделать. Не беспокойтесь об этом. Я... я пока останусь здесь.

— Вам нужно, чтобы кто-нибудь прислуживал вам?

— Нет необходимости, — ответил Дуань Лин.

***

Дуань Лин вошел в комнату и бросился на кровать, испустив измученный вздох.

Он лег на бок, размышляя, и поначалу испытывал страх и беспомощность — события сменяли друг друга, и он едва был способен взвесить их все, поэтому у него не оставалось сил на то, чтобы еще и думать о поведении У Ду. Но он должен был тщательно в этом разобраться. У Ду был самым важным для него человеком; они были возлюбленными, а не правителем и подданным. И самое главное, У Ду не был оружием. Он не мог поступить, как его отец, и попросить У Ду встать на колени, беспрекословно выполняя его приказы.

Он прочитал много книг и понимал, что император должен быть безжалостным. Если бы отец был жив, как бы он поступил?

Если бы отец был рядом, он, скорее всего, заставил бы У Ду вернуться в Е и повести свою армию в бой, а сам остался бы в городе, возглавив здесь армию вместе с Елюй Цзунчжэнем, дождался бы возможности совершить согласованную атаку с У Ду и отбил бы монгольскую орду.

Но Дуань Лин не мог этого сделать, ему было трудно убедить даже У Ду.

Может, я действительно не гожусь на роль императора? Он вздохнул, переворачиваясь лицом к стене. Ему очень хотелось спать, и так постепенно он заснул.

Во сне раздалась тихая мелодия, это была давно не звучавшая «Радость встречи».

Дуань Лин от неожиданности проснулся и увидел, что У Ду играл на флейте. Ярко светила луна, а земля была покрыта сверкающим инеем. У Ду ходил по ней босыми ногами.

Он знал, что У Ду пытался напомнить ему, чтобы он не забывал о мести за Шанцзы, о печали от порабощения их народа.

Проснувшись с раскалывающейся от боли головой, Дуань Лин, испустил долгий вздох, уселся за стол, скрестив ноги, и тихо слушал песню. Лан Цзюнься, Сюн Чунь, его отец — одна сцена за другой проносились перед его глазами.

У Ду сидел на крыше, прислонившись спиной к свисающему карнизу, с зажатой между пальцами флейтой. Музыка постепенно стихла.

— Что это за звук? — Елюй Цзунчжэнь вышел из галереи. Он услышал едва различимую мелодию флейты, затянувшуюся в ночном небе, пройдя через коридор, он оказался недалеко от двора, где остановился Дуань Лин, и услышал голос У Ду.

— Когда-нибудь, когда ты взойдешь на трон... Ты тоже заключишь союз с Ляо и сделаешь нас братскими государствами?

— Разве не так же поступил мой дед? И мой отец. В те времена, когда монголы напали на Шанцзин, он заключил союз с Елюй Даши. Сюн Чунь тоже пыталась убедить его в обратном.

— Значит, и ты так поступишь?

Дуань Лин не знал, как ему ответить, и в конце концов просто сказал:

— Половина этой империи принадлежит тебе. Ты имеешь право распоряжаться ею по своему усмотрению. Поступай так, как считаешь нужным.

У Ду на мгновение потерял дар речи.

Любой другой на его месте отвесил бы У Ду хорошую трепку, но как бы далеко ни заходил Дуань Лин, он не станет грубо отвечать— особенно У Ду.

Я нерешительный наследный принц, подумал про себя Дуань Лин. Уныло вернувшись в комнату, он упал на кровать.

Елюй Цзунчжэнь приказал стражникам не беспокоить этих двоих, а сам, поразмыслив, развернулся и ушел.

Дуань Лин еще некоторое время думал, прежде чем встать и одеться, но когда он вышел во двор и посмотрел на крышу, то обнаружил, что У Ду там уже не было.

Он прошелся по галерее и добрался до кабинета, обратившись у двери:

— Цзунчжэнь.

Внутри кабинета Елюй Цзунчжэнь хмыкнул в ответ. Охранники открыли перед Дуань Лином дверь и пригласили его войти.

Уже был час за полночь, но Елюй Цзунчжэнь еще не ложился спать. Он смотрел на карту, разложенную на столе. К востоку от Лояна была долина и Жунань, а к юго-востоку от Жунани — ляо-чэньская граница, Сюньшуй. Город Е Дуань Лина находился на южном берегу Сюньшуй.

— Мне нужен пропуск, чтобы покинуть город, — произнес Дуань Лин.

— Ты уезжаешь? — Елюй Цзунчжэнь поднял глаза от карты и взглянул на Дуань Лина. Он ничего не сказал ему, а только напомнил:

— Если ты сейчас покинешь город, снаружи будет целая армия. Ты никак не сможешь сбежать.

Дуань Лин на мгновение задумался и понял, что все обстоит именно так, как сказал Елюй Цзунчжэнь. Несмотря на то, что Чан Люцзюнь — мастер боевых искусств, рядом с ним старик. Он наемный убийца и умеет только убивать — приходить и в одиночку уходить, прокладывая себе дорогу в любые места для него не составляет труда, но проделать то же самое с восьмидесятитрехлетним слепым, одной ногой стоящим в могиле, было бы совершенно невозможно.

— Я пока остаюсь, — сказал Дуань Лин. — Но мне это необходимо.

— Ты хочешь найти для меня подкрепление? Если верить предыдущему рассказу, что я слышал при дворе, между Е и Хэцзянем размещен гарнизон из четырех тысяч кавалеристов. Даже если ты перебросишь половину из них, у тебя будет всего две тысячи человек. Ты не сможешь противостоять Борджигину Бату.

— Он там? — потрясенно произнес Дуань Лин.

— Я думал, ты знаешь, — Елюй Цзунчжэнь пристально смотрел Дуань Лину в глаза.

— Я... — застигнутый врасплох, Дуань Лин даже не знал, с чего начать.

— Ты ведь уже победил его, не так ли? Ты прекрасно сражался и даже нанес ему сильный удар. Уверен, он до конца жизни будет помнить то сокрушительное поражение под Е.

— Это заслуга У Ду, — ответил Дуань Лин. — Я тут ни при чем...

Елюй Цзунчжэнь некоторое время размышлял над этим, а Дуань Лин расправил лист бумаги и положил его перед Цзунчжэнем. Он достал чернильную палочку, чтобы отшлифовать ее для него. Елюй Цзунчжэнь остановил его прежде, чем тот успел начать, и позвал одного из охранников.

— Человек твоего статуса не должен этим заниматься, — произнес Елюй Цзунчжэнь.

Дуань Лин не мог не испытывать к Елюй Цзунчжэню глубокого уважения. С тех пор как они встретились сегодня вечером, что бы он ни говорил, его слова всегда были многозначны, но не выходили за грань, не подталкивая Дуань Лина к принятию какого-либо решения.

Елюй Цзунчжэнь закончил заполнять пропуск и передал его Дуань Лину. На горизонте уже начало светать, и его начало клонить в сон.

— Я немного вздремну. Поступай так, как считаешь нужным.

Дуань Лин пока не хотел уходить, поэтому остался в кабинете, а Елюй Цзунчжэнь откинулся на спинку низкой кушетки за письменным столом, закрыв глаза.

— Он хорошо к тебе относится? — неожиданно спросил Елюй Цзунчжэнь.

— Кто?

Дуань Лин как раз размышлял о том, как ему уговорить У Ду помочь. Когда Цзунчжэнь задал ему этот вопрос, он взял себя в руки и непроизвольно ответил:

— Он очень добр ко мне. Никогда ни в чем мне не отказывал.

— Ты сын Ли Цзяньхуна. Неудивительно, что с первого же взгляда ты показался мне необычным — я словно разглядел драгоценный нефрит. Но ты не похож на него. Совсем не похож. Когда Ли Цзяньхун собирался что-то сделать, он никогда не спрашивал мнения других.

— Когда я собираюсь что-то сделать, я тоже никогда не спрашиваю мнения других. Но он не «другой человек».

— В сравнении со всеми людьми в мире, кто важнее — они или он? — спросил Елюй

Цзунчжэнь.

— Хочешь узнать? — засмеялся и произнес Дуань Лин. — Лучше тебе не знать. Иначе люди по всему миру будут проклинять меня.

— Вот это, — сказал Елюй Цзунчжэнь, — делает тебя очень похожим на Ли Цзяньхуна.

— Не похоже, что ты когда-нибудь встречался с моим отцом, — слабо улыбнулся Дуань Лин. — Откуда тебе знать, насколько мы похожи?

— Я слышал о многих его поступках. Пусть он из вражеской страны, но он уже стал легендой. Если говорить серьезно, то я должен свести с тобой счеты. Твой отец убил слишком много нас, киданей.

— Вы, кидани, тоже убили немало нас, ханьцев. И вы первые ступили на наши земли.

— Еще раньше, на берегу реки Шара-Мурэн, вы, ханьцы, убили много киданей — ваш народ едва нас не уничтожил.

— Ну, тогда еще раньше вы, кидани... — произнес Дуань Лин, погрузившись в размышления.

— Это еще не все? — захохотал Елюй Цзунчжэнь.

Дуань Лин не мог вспомнить ничего до этого. В книгах по истории самым ранним документальным свидетельством о киданях была та самая битва на берегу Шара-Мурэн.

— Дуань Лин, — вдруг заговорил Елюй Цзунчжэнь, — у тебя есть младшая сестра?

— Нет, — ответил Дуань Лин. — У меня есть только старшая двоюродная сестра, но ты вряд ли захочешь на ней жениться.

Как только они заговорили, у Дуань Лина возникло странное чувство, что между ним и Елюй Цзунчжэнь существовало некое взаимопонимание. То ощущение, которое он испытал, когда они впервые встретились друг с другом, не было выдачей желаемого за действительное — в чем-то они были похожи.

Внезапно снаружи раздался легкий шум, и они одновременно обернулись.

Мимо промелькнул силуэт.

Как только охранник крикнул «убийца!», за дверью собралось еще больше людей, стерегущих

вход в зал. Дуань Лин сначала подумал, что это У Ду, и сказал:

— Ничего не делайте!

— Ничего не делайте, — с улыбкой ответил Елюй Цзунчжэнь.

Мимо промелькнула еще одна мрачная тень, и Дуань Лин инстинктивно понял, что это не тот, что был раньше, это У Ду! Тогда кто же был тем силуэтом, который промелькнул мимо? Это был Лан Цзюнься?!

Подчиненный поспешно вошел и доложил:

— Кто-то подглядывал снаружи и был обнаружен телохранителем нашего почетного гостя. Его выгнали из здания.

Брови Елюй Цзунчжэня сошлись, и он, догадавшись, что произошло, спросил Дуань Лина:

— Это тот самый человек, который пытался убить тебя на улице?

— Скорее всего, да.

Думая об этом, Дуань Лин испытывал беспокойство. Он хотел броситься вслед, но не знал, куда направился У Ду, и где его искать.

— Насколько искусен убийца по сравнению с тем человеком? — спросил Елюй Цзунчжэнь.

Дуань Лин на мгновение задумался, а затем ответил:

— Ему ничего не угрожает.

Елюй Цзунчжэнь кивнул и больше не упоминал об этом. Дуань Лин размышлял над словами Цзунчжэня, сказанными накануне вечером, и понял, что тот ничуть не преувеличивал: подчиненные императора Ляо способны справиться со шпионами и убийцами. В противном случае это означало бы, что один наемный убийца мог в одиночку убить правителя страны, а это было бы полным абсурдом.

— Я тут подумал, — продолжил разговор Елюй Цзунчжэнь, — если бы я женился на ком-нибудь, то, наверное, на тебе. Если бы мы поженились, на земле воцарился бы мир.

— Какая чушь, — бросил Дуань Лин, не зная, смеяться ему или плакать.

— Можно подумать, до того, как мы приняли название империя Ляо, мы не присваивали мужчинам титул «императрицы», — шутя произнес Елюй Цзунчжэнь. — И независимо от того, кто будет править этой страной — ты или я, точно не будет столько кровопролития и войн. Я бы с радостью избавился от необходимости тратить силы на государственные дела и с удовольствием учился бы у тебя поэзии, музыке и наслаждался бы прекрасными моментами жизни.

— А что тогда с монголами? Расширишь гарем и женишься на Бату?

Елюй Цзунчжэнь от души засмеялся:

— Клан Борджигин — кучка варваров. Они не доставят нам никаких хлопот.

— Ты так просто говоришь об этом. Почему бы тебе не стать моей супругой? — улыбнулся Дуань Лин.

В черном воинском наряде, сшитом для императора Ляо, Елюй Цзунчжэнь выглядел несколько старше Дуань Лина, при этом казалось, что он был взрослее лишь ненамного, будучи нежным в той мере, в какой это было свойственно мужчинам. Когда они разговаривали, он казался старшим мальчишкой по соседству; рядом с ним любой почувствовал бы себя в безопасности.

— Если это сможет положить конец всем этим битвам, то какой вред в том, чтобы стать твоей супругой? — сказал Елюй Цзунчжэнь. — Но тогда это будет несправедливо по отношению к твоей императрице.

Дуань Лин тоже засмеялся — это была всего лишь шутка, ведь к Цзунчжэню он не испытывал тех же чувств, что и к У Ду. Цзунчжэнь ему очень, очень нравился, но он его не любил. Он не испытывал такого желания зависеть от Цзунчжэня, как от У Ду, когда тот был рядом с ним.

— Я придумаю что-нибудь другое.

Дуань Лин поднялся со своего места.

— Когда все это закончится, — ответил Елюй Цзунчжэнь, — давай сделаем так, чтобы наши семьи больше никогда не воевали друг с другом.

— Я всего лишь губернатор Хэбэя. Я не могу принимать такие решения.

— Когда-нибудь ты вернешься во дворец. Не думаю, что этот ребенок из семьи Цай представляет для тебя какую-то угрозу как соперник. Фэй Хундэ на твоей стороне, и, хотя твой муж немного вспыльчив, я чувствую, что он очень предан тебе. Как только я вернусь в Чжунцзин в целостности и сохранности, я наведу справки о том, чем занимались Цай в прошлом. Если ты сможешь извлечь из этого какую-то пользу, я отправлю все это в Е.

Дуань Лин был тронут, и ему в голову пришло смутное предчувствие, что в руках Елюй Цзунчжэня могла оказаться какая-то чрезвычайно важная улика. Цай раньше были чиновниками Южной администрации, а Цай Вэнь и Цай Янь сумели выжить только под защитой Елюй Даши, спасшись от казни, так что в государственной канцелярии Ляо должны были быть записи об этой семье.

— Как ты думаешь, зачем он это делает? — спросил Дуань Лин.

— Я совсем его не знаю. Но можно предположить, что он ненавидит народ хань. Тот, кто посеял раздор, чтобы избавиться от Цаев, был твоим дедом, а тот, кто придумал эту идею, — господин Фэй Хундэ. Позволить человеку, настроенному против Чэнь, стать наследным принцем — крайне рискованно. Он может затянуть мир в такую тьму, от которой он не сможет оправиться.

Дуань Лин ничего не ответил и поднялся, чтобы уйти. Вдруг он что-то вспомнил и обернулся, чтобы спросить:

— В день падения Шанцзина меч моего покойного отца попал в руки Ляо?

— Его меч? — тихо подумал Елюй Цзунчжэнь и ответил. — Нет, ты его ищешь? Я могу расспросить для тебя, когда вернусь.

Дуань Лин понимал, что Елюй Цзунчжэню не было нужды лгать ему в такой момент. Он кивнул и вышел из комнаты.

Небо уже посветлело, и на город обрушился сильный ветер. За ночь сильно похолодало. Когда арктические ветры проносились через регион на юг, Лоян испытывал на себе всю тяжесть их холода; в эти места к югу от Великой стены зима приходила первой. На земле образовался тонкий слой льда, и каждый раз, когда Дуань Лин ступал на него, он трескался.

Каждый его шаг разбивал лед под ногами. Дойдя до внутреннего двора, он остановился.

Чан Люцзюнь ел во внутреннем дворе, но У Ду не было.

— Где У Ду?

— Ушел убивать Улохоу Му.

Чан Люцзюнь спросил:

— Что здесь делает Улохоу Му?

Дуань Лин протянул ему пропуск для прохода через городские ворота.

— Понятия не имею. Разве тебе не должно быть виднее, чем мне?

Глаза Чан Люцзюня за маской сузились. Дуань Лин ловким приемом перевел вопрос обратно к нему, и теперь тот уже не мог задать его Дуань Лину.

Дуань Лин рассказал Чан Люцзюню следующую причину приезда Лан Цзюнься — мол, чем бы вы ни занимались, Чан Пин и Му Куанда — единственные, кто действительно знает об этом. Возможно, Лан Цзюнься пришел за Цянь Ци.

— Я видел Бэнь Сяо на заднем дворе. Почему он вернулся? — спросил Чан Люцзюнь.

Дуань Лин развел руками:

— Откуда мне знать?

— Мне нужно ненадолго покинуть город. Я беспокоюсь, что господин Чан Пин может быть в опасности.

— Если ему действительно угрожает опасность, то даже если ты уйдешь сейчас, будет слишком поздно. Однако, если тебе удастся поймать Улохоу Му, возможно, ты сможешь выведать у него полезную информацию.

Чан Люцзюнь на мгновение замешкался, а затем в два шага взлетел на крышу и покинул двор.

— Эй! Подожди секунду! — крикнул Дуань Лин. Он еще даже не спросил, как дела у Цянь Ци. Чан Люцзюнь явно покинул свой пост без разрешения — снова в мгновение ока исчез.

Дуань Лин чувствовал, что ему самому могла угрожать опасность, но Теневая стража вряд ли последовала за ними до самого Лояна. На самом деле убийцы, подстерегающие в Е, не предпринимали никаких действий уже месяц. Единственным человеком, который представлял для него угрозу, был Лан Цзюнься. У Ду остался, чтобы его выследить, так что теперь Дуань Лин был в безопасности.

Однако Дуань Лин все еще не мог окончательно успокоиться. Немного подумав, он обратился к охранникам:

— Пожалуйста, зайдите и посидите со мной немного.

Снаружи стояли два телохранителя, и один из них ушел, чтобы передать сообщение.

Дуань Лин потянулся. Во дворе было действительно слишком холодно, словно за ночь внезапно наступила зима. Наверняка в Лояне уже несколько дней бушевал шторм.

Не прошло и минуты, как кто-то вошел — тот самый Шулюй Жуй, которого он спас в лагере. Дуань Лину потребовалось немало усилий, чтобы вспомнить, кто он такой: много лет назад у него была густая борода, а теперь он почему-то сбрил ее. В Шанцзине он был воином при Цзунчжэне, а с такой фамилией, как Шулюй, он, скорее всего, был представителем ляоской аристократии. Сыновья знати нередко становились личными телохранителями императора.

— Это ты, — улыбнулся Дуань Лин. — Тебе уже лучше?

Шулюй Жуй подошел к нему и опустился на одно колено. Он сказал Дуань Лину на ханьском языке:

— Я уже полностью выздоровел. Спасибо, что спасли мне жизнь, Ваше Высочество.

— Пожалуйста, не называй меня «Ваше Высочество».

Сердце Дуань Лина заколотилось, а спина вмиг покрылась холодным потом. Хорошо, что Чан Люцзюня здесь больше не было, иначе, если бы Цзунчжэнь так шутил, Дуань Лина вмиг бы разоблачили.

Дуань Лин позвал нескольких охранников, чтобы те присматривали за ним, но пришел только Шулюй Жуй. Раз уж Цзунчжэнь решил так поступить, значит, у него были на то причины. Боевые навыки этого киданьского воина вряд ли можно было назвать слабыми.

— Как ты оказался в монгольском военном лагере? — Дуань Лин немного удивился, что он умел говорить на ханьском.

— Ваше Вы-, мой господин. Чтобы шпионить за врагом и наблюдать за позициями монголов, мы с моим товарищем выдали себя за простолюдинов, бегущих из города, чтобы сделать вид, что нас перехватила монгольская орда. Но когда мы бежали из лагеря пленных, я был ранен Амгой, прикрывая своего сослуживца.

Дуань Лин кивнул. Они уже встречались однажды, и теперь Дуань Лин случайно спас ему жизнь. Он снова задумался об отношениях между собой и империей Ляо: он постоянно спасал людей, то одного, то другого — он спас императора и спас его подчиненного. Значит, судьбе было угодно свести их вместе.

— Где ваш телохранитель? Неужели он предал вас?

— О, нет-нет, — ответил Дуань Лин, — Он... Он просто отошел по делам и скоро вернется.

***

Темные тучи нависли над городом, веял ветер, и по улицам проносились снежинки. К всеобщему удивлению, первый снег у Великой стены выпал раньше, чем в предыдущие годы, и большинство жителей еще даже не успели как следует подготовиться к зиме.

Держа в одной руке Легуанцзянь, У Ду все еще был одет в тангутскую одежду. Концы его халата развевались на ветру, когда он ступил на невысокую стену, а затем спустился в переулок, покрытый тонким слоем снега. Перо в его шляпе вздрогнуло, когда он приземлился, и с его кромки упали кристаллики льда.

В глубине переулочка из дверного проема вышел Лан Цзюнься и показал себя.

— С тех пор, как мы сражались в Шанцзине, все эти годы ты когда-нибудь думал, что наступит этот день в Лояне? — У Ду был не в духе, и, проделав весь этот путь за Лан Цзюнься, он решил убить его прямо здесь.

— Нет, — лаконично ответил Лан Цзюнься. Понимая, что от У Ду ему уже не скрыться, он медленно достал Цинфэнцзянь.

— Хочешь что-то сказать?

— Нет, — ответ Лан Цзюнься остался неизменным.

С момента их единственного поединка в Шанцзине восемь лет назад навыки, положение и влияние четырех великих убийц оставались неизменными: никто из них не мог превзойти остальных. Загадочный и непредсказуемый Лан Цзюнься, годами не убивавший У Ду, Чжэн Янь, у которого, казалось, всегда было полно свободного времени, и Чан Люцзюнь, без приказа даже не удосуживающийся достать свой меч...

Целых восемь лет при дворе и в мире боевых искусств ходило крайне мало слухов о том, что кто-то погиб от мечей четырёх великих убийц, а их навыки больше не сталкивались в поединках. Однако, когда этот день наконец настал, аура У Ду уже совершенно отличалась от прежней. Этот момент, без сомнения, стал кульминацией его восьмилетнего пути!

Они словно вернулись к тому моменту, когда в последний раз скрестили мечи в Прославленном зале Шанцзина, а между землей и небом порхал чисто-белый снег. На перо в шляпе У Ду и на его плечи налипли мелкие снежинки, а рукава Лан Цзюнься развевались на гуляющем по переулочку ветру.

Снежинка, кружась с бескрайней выси, плавно опустилась и коснулась лезвия Цинфэнцзяня, издав едва слышный звон. В тот же миг она раскололась на две части.

Лан Цзюнься сделал первый шаг.

В тот миг У Ду почти одновременно выхватил свой меч, и оба они расплылись в размытых силуэтах, промелькнув мимо друг друга. У Ду ошибочным шагом взметнул в воздух снежную пыль в узком переулке, описав полукруг, а Лан Цзюнься, воспользовавшись импульсом, прыжком взмыл на каменную стену переулка, развернулся и с силой всего тела обрушил меч на У Ду.

Спустившись вниз, У Ду резко направил острие своего меча прямо к горлу Лан Цзюнься. К этому времени Цинфэнцзянь Лан Цзюнься уже превратился в мерцающий луч света, направляясь к правой руке У Ду!

У Ду, вопреки ожиданиям, не стал уклоняться, а подставил плечо. Лан Цзюнься внезапно осознал его замысел и, резко откинув голову, уклонился. Движение мгновенно прекратилось, но Легуанцзяню удалось пронестись прямо у шеи Лан Цзюнься, сорвав несколько прядей волос, которые тут же разлетелись в ледяном ветру.

— Ты надел доспехи Белого Тигра? — в голосе Лан Цзюнься прозвучала насмешка.

— Нет, — вызывающе ответил У Ду, его лицо исказила злобная ухмылка.

Лан Цзюнься только тогда понял, что У Ду просто решил рискнуть — он поставил на то, что он не посмеет променять свою жизнь на убийство. Но если бы они действительно обменялись этими двумя движениями, У Ду был бы тяжело ранен, а Легуанцзянь пронзил бы горло Лан Цзюнься.

Они молчали, наблюдая за каждым движением друг друга. Снег сыпал все сильнее и сильнее, падая на волосы и брови Лан Цзюнься. Когда два мастера боевых искусств встретились лицом к лицу, они не могли позволить себе отвлекаться. Любая оплошность приведет к поражению.

И тут с другого конца переулка донесся шорох, и за спиной Лан Цзюнься появился третий человек. Тут Лан Цзюнься понял, что теперь ему не уйти. Высокая фигура перегородила переулок, скрестив руки, и взглянула на Лан Цзюнься.

Прибыл Чан Люцзюнь.

— Здравствуй, Улохоу Му, — холодно произнес Чан Люцзюнь. — Зачем ты сюда пришел?

Дыхание Чан Цзюнься слегка подрагивало, да так, что кончик клинка трепетал вместе с ним. С мечом в руке, он быстро развернулся, прислонившись спиной к стене, и посмотрел на небо над головой.

— Размечтался, — раздался в переулке другой голос, — думаешь сбежать?

Сделав кувырок, Чжэн Янь запрыгнул на стену внутри переулка и сел, свесив ногу с края.

— Чжэн Янь? — удивленно прозвучал Чан Люцзюнь.

У Ду ухмыльнулся — это явно была часть его плана.

— Какая редкость! — Чжэн Янь поднял бамбуковую трубку, наполненную огненной водой. — Это явно территория Ляо, и все же нас пришло так много... Незнающий человек подумает, что тут что-то случилось.

— Когда ты пришел сюда? — Чан Люцзюнь был очень осторожен.

— О, я здесь уже давно, — сказал Чан Люцзюню Чжэн Янь. — Позапрошлой ночью я пробрался в город, когда напали монголы, и встретил в трактире У Ду.

Чан Люцзюнь не знал, видел ли Чжэн Янь Цянь Ци, но раз он первым встретился с У Ду, то, скорее всего, тот не раскрыл ни одного их секрета.

Пока Чан Люцзюнь колебался, фигура Лан Цзюнься внезапно мелькнула и бросилась на У Ду.

У Ду погрузился в раздумья, но, заметив происходящее, отвел меч и выставил ладонь, блокируя атаку. Навстречу им одновременно бросились Чжэн Янь и Чан Люцзюнь!

Снег падал все гуще, мягко стелясь сверху на стоящие во дворе сосны. Дуань Лин уже два года не видел снега, и сердце его невольно потянулось к воспоминаниям о днях, проведенных в Шанцзине. Тогда снег шёл трое суток без перерыва, нежно укутывая белым все грязное и безрадостное, словно стирая сам факт их существования.

Он смотрел на улицу, и Шулюй Жуй тоже. Они сидели вдвоем, тихо и неподвижно.

— Ты когда-либо возвращался в Шанцзин? — спросил Дуань Лин.

— Да, — ответил Шулюй Жуй.

— Как сейчас он выглядит?

— Он уцелел. В прошлом году я ездил с Его Величеством на зимнюю охоту на северо-восток, и снег укрыл раны Шанцзина.

Дуань Лин расспрашивал его о Прославленном зале и Академии Биюн, где он учился, о рынке и ресторанах. В ответ он услышал, что некоторые заведения уцелели и открылись вновь, а вот

Прославленный зал переместили в Чжунцин. Шанцин хоть и сохранился, но уже не являлся тем шумным и процветающим городом, каким был раньше.

— Как выглядит Чжунцин? — Дуань Лин никогда не бывал там раньше.

— Так же, как Шанцзы, господин, — ответил Шулюй Жуй после минутного раздумья.

Это было очень деликатной темой. Дуань Лину стало казаться, что Шулюй Жуй не был похож на обычного телохранителя: Цзунчжэнь мог рассказать ему о настоящей личности Дуань Лина, и Шулюй Жуй осмелился упомянуть при нем «Шанцзы», словно Елюй Цзунчжэнь посоветовал ему относиться к Дуань Лину как к другу и не скрывать от него запретных тем.

— Я не бывал в Шанцзы, — произнес Дуань Лин.

— Его Величеству нравятся вещи из Чэнь. Он любит ханьскую поэзию, песни, прозу, каллиграфию и людей с юга. Каждый раз, когда к нему приезжал кто-то с юга, он справлялся о вас.

Дуань Лин кивнул, и вдруг снаружи раздался шум.

У Ду и Чан Люцзюнь втащили во двор упирающегося и спотыкающегося мужчину. Дуань Лин так удивился, что тут же встал и перевернул стоящую на столе чашку с чаем.

— Ты кто? — У Ду озадаченно взглянул на Шулюй Жуя. Тот поднялся со своего места и встал перед Дуань Лином.

— На улицу! — холодно отчитал его У Ду.

Шулюй Жуй оглядел У Ду с ног до головы и казалось, что он вот-вот позовет на помощь. Но тут Дуань Лин успокоил его и сказал:

— Шулюй Жуй, пожалуйста, пока иди.

Шулюй Жуй сложил руки в поклоне и ушел. Следом за ним вошел улыбающийся Чжэн Янь, потирая ладони от холода.

— Какая морозная погодка, господин Ван. Не желаете согреться в моих объятьях?

Дуань Лин был ошеломлен и встревожен. Снаружи Шулюй Жуй даже закрыл для них дверь. Дуань Лин рассмотрел человека, которого У Ду притащил во двор. Это был мужчина, и на голове у него был мешок — не может быть...

У Ду кивнул ему, и Дуань Лин сказал в сторону двери:

— Шулюй Жуй, пожалуйста, подожди за пределами двора. Сегодня тебе не нужно сюда возвращаться.

Шулюй Жуй дал утвердительный ответ и ушел. Дуань Лин зажег лампы. Несмотря на то, что сейчас был день, из-за снегопада в комнате было довольно темно.

Только когда зажглись лампы, Чан Люцзюнь пальцами стянул мешок с головы мужчины.

Лан Цзюнься стоял на коленях на полу, а в уголке рта у него красовалось небольшое пятнышко крови. Он поднял свое бледное лицо и спокойно встретил взгляд Дуань Лина.

У Ду, Чан Люцзюнь и Чжэн Янь нашли место, где можно было присесть. Чжэн Янь подошел к Дуань Лину, чтобы расположиться рядом, а У Ду встал, как только тот сел, с таким видом, будто собирался кого-то убить, и тому осталось лишь снова подняться, чтобы уступить ему место.

— Разве вы не поссорились? Я-то думал, что он тебе больше не нужен, а если он тебе не нужен, то можешь отдать его мне.

— Захлопни свой клюв, — холодно бросил У Ду и сел рядом с Дуань Лином, выходя при этом внушительно, подобно самцу пантеры, бдительно охраняющему сидящего рядом Дуань Лина.

— Мы поймали его в переулке, — Чан Люцзюнь развалился на столе, закинув на него ногу.

У Ду по-прежнему сидел в тангутской шапке рядом с Дуань Лином, слегка расставив колени. Одна его рука лежала на колене, а другая — на спине Дуань Лина.

Чжэн Янь тем временем лениво прислонился к углу комнаты и потряс бамбуковую трубку в руке, чтобы проверить, не осталось ли в ней алкоголя. Немного осталось. Он вытащил пробку и сделал глоток.

— Кто первый? — спросил Чжэн Янь.

— Подождите, — неожиданно произнес Дуань Лин. — Позвольте мне задать вопрос первым.

Но задал он его не Лан Цзюнься, а Чжэн Яню.

— Чжэн Янь, почему ты пришел сюда?

— Вы ушли на лесозаготовки и отсутствовали две недели. Ваши подчиненные не знали, где вы, и вернулись, чтобы спросить нас, что им делать. Господин Фэй Хундэ решил, что вы ушли на северо-запад, скорее всего, в Жунань. Я отправился туда, нашел два трупа, проследил за следами колес на улице по дороге и предположил, что вы поехали в Лоян.

Чжэн Янь действительно умен, подумал Дуань Лин. Хотя он редко сражался, его репутация вряд ли была незаслуженна.

— Кстати, — сказал Чжэн Янь. — Для чего вы приехали в Лоян?

Никто ничего не произнес.

Видя, что Дуань Лин тоже не отвечает, Чжэн Янь сделал глоток огненной воды и, словно разговаривая сам с собой, сказал:

— Когда я въезжал в город, монголы как раз прорвались в него, и я решил пойти выкрасть немного вина. Никогда бы не подумал, что наткнусь на твоего мужчину — он уже сходил с ума от беспокойства, размахивал мечом, готовый всех перебить. Мне еле удалось его уговорить.

— А потом появился кто-то с твоим знаком и сказал, чтобы он отправлялся в штаб-квартиру городской стражи. Я беспокоился, что с тобой что-то случилось, поэтому ждал снаружи, в голоде и холоде, но готовый помочь, если бы ты нуждался во мне.

Дуань Лин невольно почувствовал угрызения совести и взглянул на У Ду, но тот сохранял своё обычное безэмоциональное выражение лица.

Чжэн Янь иронично приподнял бровь, давая понять: «Дальше, думаю, объяснять не нужно?»

Дуань Лин посмотрел на Чан Люцзюня, а затем перевел взгляд на У Ду. У Ду сказал:

— Ты закончил? Тогда допросите его.

С момента, как Лан Цзюнься вошёл в комнату, его взгляд не отрывался от Дуань Лина. Тот невольно съежился от этого пристального внимания. Между ними было слишком малое расстояние, и Дуань Лин постоянно ловил себя на мысли, что Лан Цзюнься в любой миг может разорвать веревки на руках и вцепиться ему в горло.

Дуань Лин невольно отодвинулся назад, но в этот момент рука У Ду, лежавшая за его спиной, крепко обхватила его.

— Кто допросит его первым? — спросил Чан Люцзюнь.

— Позвольте мне, — сказал Чжэн Янь. — Должен сказать, я в полном недоумении. Господин Улохоу Му, зачем вы проделали весь этот путь до Лояна? Может быть, вам приглянулся наш губернатор Ван?

Лан Цзюнься ответил:

— Этот вопрос тебе следует задать Чан Люцзюню.

Чан Люцзюнь пристально глядел на него и после паузы спросил:

— Где Чан Пин?

— Не знаю, — ответил Лан Цзюнься.

У Ду спросил:

— Почему с тобой был Бэнь Сяо?

— Я встретил его по дороге, поэтому взял с собой.

— Чан Пин? — спросил Чжэн Янь, нахмурившись. — Он тоже приехал?

Лан Цзюнься снова замолчал, и У Ду произнес:

— Тебя ведь прислал наследный принц, не так ли?

— Господа, — Лан Цзюнься стоял на коленях с веревкой из сухожилий, обмотанной вокруг запястий, и тихо сказал. — Уверен, вы все прекрасно знаете, какое обвинение должно быть предъявлено виновнику, а какое — сообщникам, в случае умышленного убийства высокопоставленного придворного чиновника.

— Конечно, я в курсе, — холодно произнес У Ду. — Вот почему у тебя не будет возможности обвинить нас в чем-либо.

Слова У Ду словно ледяным ветром пробрали присутствующих — оказалось, он всерьез намеревался расправиться с ним как с ненужным свидетелем. Хотя убийства для наемных убийц и были обыденностью, но расправа внутри четверки великих убийц казалась делом серьезным. Дуань Лин почувствовал, как его сердце подскочило к горлу. Неужели У Ду собирался его убить?

— Мы не должны этого делать, — Чан Люцзюнь понимал, насколько все серьезно: у него не

было никакой вражды с Лан Цзюнься, и пусть он был на стороне Му Куанды, но без его прямого приказа даже он не стал бы избавляться от столь важного человека.

— У меня есть секретный указ наследного принца, — ответил Лан Цзюнься. — Я прибыл в Лоян по его приказу, чтобы разведать обстановку в армии Ляо.

— Тогда почему ты пытался убить меня? — неожиданно спросил Дуань Лин.

После того как Лан Цзюнься изложил им свое оправдание, ни у кого из них не было никаких доказательств того, что он лгал, поэтому идеи были исчерпаны. Только Дуань Лин соображал достаточно быстро, чтобы задвинуть это оправдание туда, откуда оно пришло.

Лан Цзюнься улыбнулся.

— Ты же не умер.

— Не умер. Но это не значит, что ты не пытался меня убить, — сказал Дуань Лин.

— «Убийством» это называется только тогда, когда человек умирает, — ответил Лан Цзюнься, — раз ты не умер, значит, я не пытался тебя убить.

Дуань Лин не хотел ходить с ним по кругу.

— Тогда давай попробуем сформулировать это по-другому. Почему ты преследовал меня с мечом? Потому что мы кое-что узнали, и ты хотел убить меня, чтобы сохранить это в тайне?

— Что вы узнали? — спросил Чжэн Янь.

Чан Люцзюнь непроизвольно выпрямил позвоночник, и выражение лица У Ду сразу же помрачнело.

— Ты собираешься раскрыть все прямо сейчас? — слегка приподнял бровь Лан Цзюнься. — Ты умный ребенок. Я знаю, что ты этого не сделаешь.

Дуань Лин бросил взгляд на Чан Люцзюня. Несмотря на то, что его лицо было закрыто маской и он не мог прочитать его выражение, по его реакции Дуань Лин догадался, что тот знал, что Цай Янь — самозванец, но не знал, что Дуань Лин — настоящий наследный принц.

Затем он взглянул на Чжэн Яня; его выражение лица полностью изменилось. Из этого Дуань Лин сделал вывод, что Чжэн Янь, вполне возможно, тоже что-то подозревал.

После слов Лан Цзюнься взоры Чан Люцзюня и Чжэн Яня устремились к Дуань Лину, а У Ду посмотрел на него с опаской.

Вдруг все их взгляды были обращены на него.

— Мне известно не больше, чем всем остальным присутствующим здесь, — произнес Дуань Лин. — Или, господин Улохоу Му, вы хотите сказать, что прибыли сюда, чтобы убить Амгу?

Простым предложением Дуань Лин снова с легкостью бросил ему горячую картошку, и Чжэн Янь улыбнулся.

— Интересно, — холодно бросил У Ду.

В ту ночь, когда ушел Амга, Чан Люцзюнь все слышал; Дуань Лин не знал, слышал ли Чжэн Янь, но подозревал, что он тоже смог понять, что за этой историей крылось нечто большее.

Лан Цзюнься бесстрастно ответил:

— Не стоит бросаться такими шутками, господин Ван.

У Ду сказал:

— Боюсь, некоторые вещи на словах могут показаться шуткой, но на деле оказываются реальностью, господин Улохоу Му...

У Ду остановился и протянул руку к Дуань Лину. Тот выглядел растерянным.

Дуань Лин понимал, что имел в виду У Ду, только когда показал на его грудь. Он достал из рубашки Золотую ворону и положил ее на ладонь У Ду. Тот подошел к Лан Цзюнься с Золотой вороной между пальцами и вежливо произнес:

— Заранее прошу прощения, господин Улохоу Му.

В сердце Дуань Лина вспыхнула тревога, и, как только он собрался остановить У Ду, Золотая ворона, прикоснувшись к Лан Цзюнься, заползла к нему под воротник.

Чан Люцзюнь ощутил жуткий холод, а Чжэн Янь никак не отреагировал, явно привыкнув к методам У Ду. Дуань Лин только тогда понял, что У Ду, с которым он так часто проводил время, был совсем не таким, каким его видели все остальные. Он просто привык к его преданности и безобидности, вот и все.

— Тебе лучше сильно не двигаться, — сказал У Ду, — и не вздумай брать кого-нибудь в заложники. Если ты проявишь хоть немного сил, яд Золотой вороны парализует все твое тело. Он подействует даже быстрее, чем ты успеешь пошевелиться.

Закончив, У Ду встал и вышел из комнаты.

Чан Люцзюнь и Чжэн Янь переглянулись и тоже поднялись, чтобы покинуть комнату. Они знали, что У Ду хотел что-то обсудить с ними и не желал, чтобы это слышал Лан Цзюнься.

Дуань Лин чувствовал беспокойство, но когда он уже собрался встать, У Ду обернулся и бросил на него взгляд через открытую дверь. Он легонько покачал головой, давая понять, чтобы тот не выходил.

Дуань Лин знал, что У Ду позже расскажет ему содержание их обсуждения, и он не позволял ему выйти сейчас, чтобы потом он мог отрицать свою причастность к их разговору.

Чжэн Янь закрыл за ним дверь, и трое убийц отправились в дальний угол двора. У Ду, похоже, молча о чем-то размышлял, и долгое время ничего не произносил ни слова. Каждый из них троих был погружен в свои мысли, но взгляд Чан Люцзюня блуждал, казалось, он был совершенно не в себе.

Послеполуденный свет, пробиваясь сквозь оконные переплеты, пересекал пространство между Дуань Лином и Лан Цзюнься. В его лучах танцевали солнечные блики, словно бесконечно меняющийся калейдоскоп, преломляя сияние, затененное хрустальными снежинками за стенами дома.

Игра света и теней пробудила в Дуань Лине воспоминание о трепещущих метелках камыша и тусклом свете фонаря в ту ночь, когда Лан Цзюнься вынес его из дровяного сарая.

И вот теперь в комнате остались только они двое.

— Зачем ты это делаешь? — Дуань Лин наконец-то мог задать этот вопрос.

— Что делаю? — ответил Лан Цзюнься. Он больше не смотрел в глаза Дуань Лина, а на его воротник, на котором был вышит тангутский узор — дикий гусь; осенью дикие гуси летят на юг, весной — на север, всегда помня дорогу домой.

— Почему ты напал на Сюн Чунь тогда в Шанцзине? Почему пытался убить меня, когда я приехал в Сычуань?

Дуань Лин знал, что сколько бы вопросов он ни задавал, ответа не получит. Но в конце концов он должен был произнести эти слова, даже если не получит ответа.

— Почему ты отравил меня? Почему ты бросил меня в реку...

— Потому что ты доверился не тому человеку. Я — Улохоу Му. А не Лан Цзюнься.

Лан Цзюнься внезапно поднял голову, встретившись взглядом с Дуань Лином, и снова стал таким же спокойным, как и всегда. Дуань Лин вдруг почувствовал, что это был уже не тот Лан Цзюнься, которого он знал, а может быть, он всегда был таким; возможно, только когда он был в Шанцзине и оставался рядом с ним, он превратился в другого человека.

Улохоу Му или Лан Цзюнься — кто из них настоящий?

— Я пришел, чтобы убить тебя, — сказал без всяких эмоций в голосе Лан Цзюнься. — Раз уж вы с отцом решили довериться мне, то будьте готовы к тому, что я вас предаю.

Дуань Лина пронзила дрожь. Он неподвижно уставился на Лан Цзюнься.

— Это потому, что ты нас ненавидишь? — прошептал Дуань Лин.

— Двадцать лет назад империя Улохоу пала, — тихо ответил ему Лан Цзюнься. — Меня спасли члены императорской семьи и увезли в горы Сянбэй, где мы едва сводили концы с концами. Но потом пришли ханьцы и монголы; они залили мою деревню кровью и истребили мой народ. Радость встречи... это песня, которая когда-то принадлежала нам.

Дуань Лин смотрел на него, не зная, что и сказать.

— В ней поется о том, как в месте, где цветут персики, ты ждешь, когда твой возлюбленный вернется домой, — Лан Цзюнься чуть приподнял голову и встретился взглядом с глазами Дуань Лина, в которых таились невыразимые чувства. — Дуань Лин, ты вырос. Раньше я постоянно говорил тебе, что есть вещи, которые ты рано или поздно узнаешь, но позже я пришел к мысли, что некоторых вещей лучше не знать вообще.

Дуань Лин затаил дыхание.

— Тогда почему... Почему ты не убил меня с самого начала? — спросил он.

— Потому что ты был мне нужен, когда был маленьким. Твой отец был совсем один в этом мире — что он мог сделать? После того, как ты и твой отец вернулись бы в Южную Чэнь и обрели власть, я смог бы использовать тебя для восстановления своей империи.

— Поэтому, когда ты подумал, что я мертв, — произнес Дуань Лин, его голос дрожал, — ты помог Цай Яню стать наследным принцем. Что он пообещал тебе взамен?

Лан Цзюнься улыбнулся и не произнес больше ни слова, опустив взгляд на воротник Дуань Лина.

***

Во дворе бушевала вьюга, и в воздухе шуршали снежинки.

Головы и плечи троих мужчин застилал слой снега.

— Ты не можешь его убить, — произнес Чан Люцзюнь. — Он — старший опекун наследника, первый ранг. Если ты убьешь высокопоставленного чиновника императорского двора без разрешения, мы все окажемся в этом замешаны.

— Позвольте мне спросить одну вещь, — сказал Чжэн Янь. — Правда ли то, что сказал Амга?

У Ду бросил взгляд на Чжэн Яня, но ни он, ни Чан Люцзюнь ничего не ответили. Чжэн Янь сказал:

— Если вы до сих пор хотите скрывать от меня правду, я сделаю вид, что ничего не знаю. Но если решите действовать против Улохоу Му, вам придётся все прояснить. Иначе я не смогу вас прикрывать.

— Зачем ты сюда пришел? — спросил Чан Люцзюнь.

Чжэн Янь, как будто его это ничуть не волновало, ответил:

— Разве я тебе уже не говорил?

— Я спрашиваю, почему ты оказался в Е, — сказал Чан Люцзюнь.

— Секретный указ Его Величества. Не могу рассказать.

Чан Люцзюнь презрительно фыркнул. У Ду обдумал его слова, а затем произнес:

— Наследный принц — самозванец. Чан Пин нашел доказательства. Улики находятся прямо здесь, в Лояне.

Как только он это сказал, Чан Люцзюнь резко вздрогнул, будто не веря, что У Ду действительно произнес это вслух.

— Это твои слова, — холодно ответил Чан Люцзюнь. — У Ду, я этого не говорил.

— Не проблема. Да, это я сказал. Если у канцлера будут возражения, он может прийти и поговорить со мной.

Чжэн Янь, казалось, ничуть не удивился.

— А где же настоящий?

— Не знаю, — ответил У Ду.

— А где доказательства? — спросил Чжэн Янь.

— Улика — это человек. Будет лучше, если ты не будешь вмешиваться, Чжэн Янь, — ответил У Ду. — Притворись, что ничего не знаешь.

Личность Чжэн Яня была гораздо более щекотлива, чем у остальных; ведь помимо его преданности Ли Яньцю, за ним стояла еще одна сила — Хуайинхоу Яо Фу.

Если Яо Фу узнает об этом, последствия будут еще более плачевными. Поэтому Чан Люцзюнь считал, что У Ду не должен был этого говорить.

— Чан Люцзюнь найдет способ доставить свидетеля, — сказал У Ду. — А как быть с остальным, решать канцлеру Му. Улохоу Му, должно быть, проделал весь этот путь, потому что ему сообщили об этом, и он хочет убить свидетеля. Просто мы прибрали к рукам очевидца на шаг раньше него. Что касается того, как мы с ним поступим, то это мы должны решить втроем. Ван Шань здесь ни при чем. Нам не нужно его привлекать.

— Как много он знает обо всем этом? — спросил Чжэн Янь.

— В ту ночь он тоже был на берегу реки, — сказал У Ду. — Что касается правды, то это все, что он знает. Ван Шань никогда не приезжал в Лоян. Все это время он находился в Е. Сейчас в этом дворе стоим только мы трое.

Чжэн Янь и Чан Люцзюнь знали, что У Ду сказал эти слова, потому что решил обезопасить Ван Шаня от их действий. Ведь когда правда вскроется, это приведет к катастрофе. Многие люди могут оказаться под гнетом Ли Яньцю.

— Я понял, что что-то не так, когда Улохоу Му привел с собой наследного принца, — сказал Чан Люцзюнь. — По идее, тот, кто прошел через столько трудностей, возвратившись ко двору, должен время от времени вспоминать о прошлом, но наследный принц редко говорит о нем, словно боится, что если скажет слишком много, то оступится и кто-то найдет брешь в

повествовании.

— А Его Величество знает? — спросил У Ду.

Чжэн Янь долго колебался, а потом медленно покачал головой, но невозможно было понять, имел ли он в виду «я не знаю» или «я не знаю, знает ли он».

— Если это так, — произнес Чжэн Янь. — Мы не можем убить Улохоу Му. Он самый главный свидетель. Если убьете его прямо здесь и сейчас, то никто не сможет подтвердить эту историю, когда мы вернемся во дворец.

У Ду и Чан Люцзюнь снова замолчали. Как и сказал Чжэн Янь, они не могут просто избавиться от этого типа в комнате. Как только зачинщик, подменивший наследного принца, умрет, некому будет свидетельствовать о случившемся, когда они вернуться. Если Ли Яньцю удастся выяснить, что Улохоу Му умер у них на руках, это будет выглядеть так, словно все это спланировал и устроил Му Куанда.

— А ты не можешь за это поручиться? — спросил Чан Люцзюнь.

Чжэн Янь ответил:

— Конечно, нет. О чем ты думаешь? Я даже к этому не причастен.

Изнутри комнаты было слышно, как постепенно на улице стихал снегопад.

Дуань Лин надолго замолчал. Именно такой ответ он ожидал услышать, и все же он безжалостно разорвал теплый фасад, прикрывавший те годы в Шанцзине, оставив ему реалистичное, трагическое обоснование.

— Значит, все это было обманом, — сказал Дуань Лин. — Все, что ты делал для меня хорошего, было лишь притворством.

— Все это было притворством, — Лан Цзюнься снова посмотрел в глаза Дуань Лину. — Твой отец был прав. Ты не можешь доверять мне. Значит, ты доверился не тому человеку. И к тому же я сказал тебе, что ты не должен мне оплачивать, потому что, когда я был в Шанцзине, я не относился к тебе искренне и добросовестно. Все, чего я хотел, — это использовать тебя и твоего отца для воплощения своего плана по восстановлению государства. В крайнем случае я мог бы твоими руками отомстить ханьцам, заставив вас с монголами сражаться на взаимное уничтожение.

— Цаи были убиты из-за плана ханьцев по разжиганию розни. Он ненавидит Южную Чэнь и монголов. Поскольку ты погиб, мне некуда было идти, и я подумал, что мог бы сделать так, чтобы он заменил тебя и занял твое место.

Его глаза внимательно изучали лицо Дуань Лина, и после долгой паузы он произнес:

— Но я и представить себе не мог, что ты вернешься, и ты вырос. Но ошибка уже была совершена. У меня не было другого выбора.

Между землей и небом мелькнула ослепительная белая вспышка; мысли Дуань Лина вернулись к замерзшей Желтой реке, запечатанной льдом на тысячу ли, и к занесенной снегом пустоши. Когда-то он свернулся калачиком в объятиях Лан Цзюнься, где чувствовал тепло его тела, слушал биение его сердца, где оставил позади свои темные и безнадежные кошмары, чтобы войти в яркий, огромный мир за горизонтом.

— Я тебе не верю, — произнес Дуань Лин.

Лан Цзюнься опустил глаза и холодно ответил:

— Верь, во что хочешь. Я сказал все, что должен был.

— Именно такой ответ я и хотел услышать, — Дуань Лин серьезно смотрел на Лан Цзюнься, его голос был тих. — Но это не то, что ты думаешь на самом деле.

Когда Дуань Лин говорил это, сидя напротив Лан Цзюнься, от него словно излучались давно забытое достоинство и внушительная аура.

— Ты лжешь иначе, чем другие, — продолжил Дуань Лин. — Когда ты врешь, то смотришь в глаза собеседнику, но когда говоришь правду — избегаешь взгляда. Потому что ты уже привык скрывать свое истинное «я»...

В этот момент открыл дверь и вошел У Ду. В комнате внезапно стало светло.

— Ты уверен, что это сработает? — спросил Чан Люцзюнь.

— Как только он примет это, — сказал У Ду, — если он попытается циркулировать ци, его энергия смешается, и он не сможет сражаться, пока ему не дадут противоядие.

У Ду положил перед Лан Цзюнься пилюлю и сказал:

— Прими это. Не заставляй меня применять силу.

Лан Цзюнься понимал, что сопротивляться бессмысленно, не стал сопротивляться и проглотил пилюлю. В тот самый момент, когда он принял яд, рот Дуань Лина беспокойно открылся и закрылся, но он не издал ни звука.

У Дуань Лина не было ни малейшего сомнения в способности У Ду к отступлению от правил. Эти убийцы вели разгульный образ жизни и, казалось, были легкомысленны, но когда дело доходило до расправы с врагами, они превосходили друг друга в жестокости.

Как только У Ду увидел, что Лан Цзюнься принял пилюлю, он достал из халата маленький флакончик и встряхнул его возле воротника Лан Цзюнься. Почувствовав запах, Золотая ворона выползла из воротника, и У Ду извлек ее.

Он тут же развернулся и отдал Золотую ворону Дуань Лину, попросив его положить ее обратно под одежду.

— И что теперь? — спросил Дуань Лин.

У Ду ответил:

— Теперь мне нужно кое-что с тобой обсудить.

День клонился к вечеру. Снег прекратился, и последние лучи заката пробивались сквозь длинную галерею. Высокий и стройный, У Ду шел впереди, а Дуань Лин следовал за ним по коридору в сад на заднем дворе. Здесь была более открытая планировка, и если кто-то попытается их подслушать, то его сразу же заметят.

Дуань Лин остановился и встал лицом к лицу с У Ду. Изучая его выражение лица, он думал о том, что У Ду, возможно, все еще сердился на него после ссоры, которая произошла накануне вечером. От этого ему стало немного не по себе.

У Ду пристально глядел Дуань Лину в глаза. Он понимал смысл этого взгляда: это был взгляд страсти.

— Как жаль, что ты наследный принц, — прошептал У Ду и, подняв руку, поднес ее к уху Дуань Лина, нежно разминая двумя пальцами мочку.

Сердце Дуань Лина затрепетало. Он почувствовал, как нарастающее между ними напряжение вот-вот прорвется наружу. Не в силах сдержаться, он шагнул вперед, обхватил У Ду за талию и прижался к его груди, не в силах отпустить.

Они обнимали друг друга, не говоря ни слова, и после долгого молчания Дуань Лин произнес:

— Твое сердце бьется так быстро.

— Мне страшно, — сказал У Ду. — Чжэн Янь знает, и Му Куанда тоже. Я боюсь, что все это дело может выйти из-под контроля.

— Мы найдем выход.

Прижавшись к груди У Ду, он понимал: как только Му Куанда узнает, что именно он — истинный наследный принц, тот немедленно бросит все силы на его уничтожение. Цай Янь на троне не представлял для Му Куанды угрозы. Но если власть достанется Дуань Лину, тот действительно начнет опасаться за свою жизнь.

— Ты хочешь использовать его в качестве свидетеля? — спросил Дуань Лин, глядя на У Ду.

— Одних свидетельских показаний недостаточно. Нужны еще и вещественные доказательства — иначе все превратится в бесконечную тяжбу. Сделав первый шаг, обратной дороги уже не будет.

Дуань Лин вздохнул и попытался отойти, но У Ду крепко сжал его руку. Оба понимали: как только Чжэн Янь вернется, он непременно доложит обо всем Ли Яньцю, и тот не останется равнодушным. А Чан Люцзюнь, вернувшись, сообщит Му Куанде. Однако они никак не смогут знать, выяснит ли об этом Цай Янь.

А это значит, что все три стороны приступят к реализации своих планов раньше срока, тем временем Дуань Лин застрянет в Е и не сможет вернуться в Цзянчжоу.

— Это может сыграть нам даже на руку, — ответил Дуань Лин. — Если мы на все время останемся в Е и вернемся только после того, как канцлер Му и Цай Янь все уладят, нам будет намного легче.

У Ду утвердительно хмыкнул, но нерешительно сдержал свои слова. Дуань Лин вспомнил о другом и сказал ему:

— Цзунчжэнь пообещал мне, что, как только вернется в Чжунцзин, поможет собрать улики. Возможно, ему удастся обнаружить в архивах полезную информацию и документы.

У Ду посмотрел на Дуань Лина с нечитаемым выражением лица.

— Если не хочешь помогать, — сказал Дуань Лин, — то мы можем просто уйти прямо сейчас.

Право принять окончательное решение он передал У Ду. Тот горько усмехнулся, будто гнев уже угас, оставив после себя лишь усталую покорность судьбе.

— Неужели половина этой империи... действительно принадлежит мне? — У Ду внимательно изучал Дуань Лина, как будто осматривая всю свою империю.

Дуань Лин не ответил ему, его глаза сияли. У Ду хотел подойти ближе и поцеловать его, но ему

казалось, что он не желает целовать его просто так. Напротив, все, чего он действительно хотел, — это как следует рассмотреть его.

— Жди нас в Долине Хэйшань, — сказал Дуань Лин. — Чжэн Янь и Чан Люцзюнь уже здесь, так что, скорее всего, ничего не случится.

— Как только мы здесь закончим, — произнес У Ду, — ты должен будешь отработать мои старания.

— Я дам тебе все, что захочешь, — ответил Дуань Лин. — В любом случае, даже я сам принадлежу тебе.

— Хотелось бы услышать немного искренности.

— Я ни разу не пытался обмануть тебя, даже чуть-чуть, — серьезно ответил Дуань Лин. — И это потому, что я знаю, что тебя всегда так легко обмануть. Достаточно проявить немного доброты, сказать что-нибудь приятное, и ты уже безнадежно предан мне. Даже если я откажусь от своего слова, ты ничего не сможешь с этим поделать. Но видишь? Что я говорю, то и делаю.

— Значит, ты знаешь, что меня легко убедить, — взгляд У Ду был полон угрозы и властности, а его ладони обхватили талию Дуань Лина. Он холодно процедил:

— Ты знаешь, что твой господин не может тебя оставить, и поэтому постоянно приказываешь мне делать то, чего я не хочу.

— Значит, ты сделаешь это? — прошептал Дуань Лин, поглаживая ладонью щеку У Ду. Он поднялся на цыпочки и прижался губами к его губам.

Сгущались сумерки, и последний луч солнца проливался на них двоих, отбрасывая длинную тень.

На фоне двора вырисовывались силуэты деревьев, а белый снег на их ветвях преломлял темно-красный свет.

— Иногда я думаю... — произнес Чжэн Янь, — тебе тоже нелегко пришлось в жизни, принц Улохоу Му.

Прислонившись к стене в углу комнаты, Лан Цзюнься все еще держал руки за спиной.

Чжэн Янь сидел в другом углу и пил вино, которое им принесли кидани, а Чан Люцзюнь достал стопку маленьких карт. На одной стороне карточек были ханьские иероглифы, а на другой —

красочные картинки. Тут и карета, и лошадь, и лампа... Это были цветные карточки для обучения грамоте.

— Чан Люцзюнь, что ты делаешь? — Чжэн Янь выглядел немного озадаченным.

— Не лезь не в свое дело, — бросил Чан Люцзюнь. — Пей свое вино и задавай ему свои вопросы.

Чжэн Янь был немного пьян. Он икнул, оценив Лан Цзюнься, и продолжил.

— Что ты вообще с этого имеешь? Ты не пьешь, не развлекаешься в заведениях с дурной репутацией, не любишь деньги и драгоценности, не жаждешь власти и влияния.

— Да, — сказал Чан Люцзюнь, — а что с этого имеешь ты? Если бы ты здесь не занимался всякой ерундой, думаешь, нам бы пришлось мучаться, проделав весь этот путь?

Лан Цзюнься не ответил, сохраняя привычное молчание. Повернув голову набок, он прислонился к двери и смотрел наружу, на узкий клочок неба, которое постепенно темнело.

— Это правда? — спросил Чжэн Янь Лан Цзюнься. — Не волнуйся. Если ты расскажешь нам, что к чему, то даже если ты дашь заднюю и не признаешься в содеянном, мы все равно останемся в выигрыше. Мы тоже не собираемся тащить тебя на все эти разборки. Так почему бы тебе просто не дать нам однозначный ответ?

Чан Люцзюнь настороженно посмотрел на Чжэн Яня.

Лан Цзюнься равнодушно скользнул по нему взглядом, но снова промолчал. Он всегда говорил мало. Слегка нахмутив брови, он продолжал смотреть на коридор за дверью, будто ожидая кого-то.

<http://bllate.org/book/15657/1400667>